

С. К. ГОГЕЛЬ.

О ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ

ВВЕДЕНИЯ ВЪ РОССІИ

ИНСТИТУТА УСЛОВНАГО ОСУЖДЕНІЯ.

*Изъ Журнала Министерства Юстиціи
(Сентябрь 1897 г.)*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

1897.

О ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ ВВЕДЕНИЯ ВЪ РОССИИ
ИНСТИТУТА УСЛОВНАГО ОСУЖДЕНІЯ ¹⁾.

С. Н. Гогеля.

Институту условнаго осужденія почему-то у насъ не по-счастливилось, въ отношеніи его сложился какой-то предразсудокъ. Спокойно заимствуя изъ западно-европейскихъ законодательствъ различныя весьма сложныя правовыя институты, которые потомъ вполне оправдывали смѣлость заимствовавшихъ и прекрасно прививались на русской почвѣ, мы почему-то питаемъ недовѣріе къ институту условнаго осужденія, смотримъ на него или какъ на проектъ, не провѣренный опытомъ, или какъ на такой институтъ, примѣненіе котораго

¹⁾ Рефератъ, читанный въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества 29 марта 1897 года. При составленіи этого реферата приняты во вниманіе: *Ausländische Gesetze betreffend die bedingte Verurtheilung*, Berlin, 1896. А. Пюнтковскій. *Объ условномъ осужденіи или системѣ испытанія*. Одесса, 1894. Его же. *Условное осужденіе въ Норвегіи*, 1895 г. v. *Liszt Kriminalpolitische Aufgaben*, *Zeitschrift f. die gesammte Strafwissenschaft* B. IX, *Mittheilungen d. Intern. Kriminal-Vereins*. Тамъ же B. X, E. *Rosenfeld*. *Welche Strafmittel können an die Stelle der kurzzeitigen Freiheitsstrafen gesetzt werden*, Berlin, 1890. *Zucker*. *Einige kriminalistische Zeit u. Streitfragen d. Gegenwart*, *Gerichtssaal* B. 44, Dr. P. *Aschrott*. *Strafen u. Gefängnisswesen in England* (Eine Ergänzung) 1896. Его же. *Ersatz kurzzeitiger Freiheitsstrafen*, 1889. *Actes du Congrès pénitentiaire international de Saint-Petersbourg*, 1890, vol. 1, p. 153—645, vol. II, p. 475—593. *Bulletin de la Commission pénitentiaire internationale*, Avril 1895, p. 274—309, Mai 1895, p. 165. *Report from the Departemental Committee*

можетъ быть и даетъ хорошіе результаты, но лишь при особенныхъ условіяхъ, которыхъ у насъ нѣтъ, видимъ въ немъ одинъ изъ видовъ помилованія, составляющаго неотъемлемую принадлежность верховной власти, и признаемъ, что условное осужденіе есть не болѣе, какъ частичное техническое улучшение, которое можно ввести, но безъ котораго можно такъ же легко и обойтись.

Наше юридическое общество тоже до послѣдняго времени въ значительной степени раздѣляло эти взгляды и если оставалось на этомъ институтѣ, то разсматривало его такъ сказать съ теоретической точки зрѣнія, интересовалось постановкой этого института въ Западной Европѣ, но не считало нужнымъ серьезно заняться вопросомъ о желательности и возможности введенія въ Россіи института условнаго осужденія.

Въ настоящей работѣ я не буду касаться постановки этого института въ Западной Европѣ ¹⁾, такъ какъ этому вопросу былъ посвященъ недавній докладъ А. А. Жижиленко (Жур. Мин. Юст. 1897 года, Май), а постараюсь разобрать выска-

of Prisons. 1895. Alfred Gautier. A propos de la condamnation conditionnelle. Revue pénale suisse 1890, p. 329 et suiv. E. Picot. La peine conditionnelle, тамъ же, 1896. Dr. Julius Vargha. Die Abschaffung d. Strafknechtschaft 1896—1897 (B. I u II). Schweizerisches Strafrecht. Verhandlungen der Expertenkommission 1896. Verhandlungen d. Schweizerischen Vereins f. Strafv. u. Gefängniswesen 1895 и др. Н. С. Таганцевъ. Лекціи по уголовному праву. Выпускъ IV, стр. 1832 и сл. Уголовное уложеніе. Объясненія къ проекту редакціонной комиссіи, т. I. В. Пржевальскій. Проектъ уголовного уложенія и современная наука уголовного права. Жур. Юрид. Общ. 1896 г. Декабрь, 1897 г. Январь. Мои работы: Возстановленіе утраченныхъ по суду правъ. Жур. Мин. Юстиціи. Декабрь 1895. Условное осужденіе въ Германіи. Тамъ же 1897 Январь. Арестантскій трудъ въ русскаихъ и иностраннхъ тюрьмахъ. Тамъ же 1897 Февраль и Мартъ. Отчеты по Главному Тюремному Управленію. Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ (Мин. Юст.) и мн. др.

¹⁾ Суть института условнаго осужденія, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что преступника, впервые совершившаго преступленіе, не принадлежащаго къ категоріи преступниковъ по ремеслу, не оторваннаго еще отъ нормальной жизни, на исправленіе коего можно надѣяться, не судятъ или осудивъ не приводятъ наказанія въ исполненіе и сдѣлавъ ему *вынужденіе* даютъ ему нѣсколько лѣтъ для испытанія, при чемъ при хорошемъ поведеніи онъ освобождается по истеченіи срока совсѣмъ отъ наказанія, при дурномъ—онъ отбываетъ наказаніе и за новое, и за прежнее преступленіе.

зываемыя у насъ противъ института условнаго осужденія возраженія, выяснить самый принципъ, природу этого института и наконецъ, и это главное, обсудить вопросъ о желательности и возможности введенія этого института въ Россіи.

Дѣйствительно, какъ мнѣ кажется, вполне своевременно войти въ обсужденіе этого послѣдняго вопроса, такъ какъ Россія скоро окажется единственной цивилизованной страной, въ которой нѣтъ условнаго осужденія. Институтъ этотъ введенъ въ дѣйствующія законодательства Англій, Бельгіи, Франціи, Норвегіи, Португаліи, Италіи (въ особенной формѣ), въ нѣсколькихъ кантонахъ Швейцаріи, предположенъ къ введенію законопроектami Швейцарскаго и Австрійскаго уложеній. Въ Германіи онъ введенъ въ формѣ не судебного, а административнаго разслѣдованія, заканчивающагося испрошеніемъ высочайшаго повелѣнія о помилованіи, но форма эта настолько не соотвѣтствуетъ самой сущности института условнаго осужденія, и въ то же время послѣдній пріобрѣлъ уже такую громадную популярность среди германскаго народа, что представители его въ засѣданіи рейхстага 28 ноября 1896 г., по предложенію комисіи, разсматривавшей проектъ новеллы по судоустройству и судопроизводству, поручили германскому канцлеру выработать проектъ введенія въ Германіи условнаго осужденія уже въ формѣ судебного института. Я не говорю о родинѣ условнаго осужденія—Америкѣ и заатлантическихъ колоніяхъ Англій.

Результаты примѣненія этого института, какъ извѣстно, блестящіе: 93—98% удачно выдерживаютъ испытаніе. Едва ли можно говорить, что цифровыя данныя относительно удачно прошедшихъ и проходящихъ испытаніе имѣютъ мало значенія, такъ какъ опытъ будто бы слишкомъ не продолжителенъ и не гарантируетъ, что условно осужденные не впадутъ вновь въ преступленіе. „Инкубаціонный періодъ“, если употребить это выраженіе, въ данномъ случаѣ занимаетъ главнымъ образомъ если не исключительно первый годъ послѣ осужденія, когда совершившему преступленію и осужденному приходится искать занятій и заработка; разъ въ этомъ отношеніи онъ устроился, опасность миновала. Если даже допустить, какъ дѣлаютъ тюрем-

ные англійскіе отчеты, что 70% осужденныхъ впервые и отбывшихъ наказаніе въ тюрьмѣ не возвращаются вновь, то и въ такомъ случаѣ 93—98% удачныхъ при условномъ осужденіи представляютъ прогрессъ. Этотъ высокій процентъ удачи, безотносительно къ какимъ бы то ни было дальнѣйшимъ результатамъ, указываетъ съ очевидностью, что институтъ полезенъ.

Во всякомъ случаѣ мы должны считаться съ фактомъ, что сотни тысячъ условно осужденныхъ продолжаютъ оставаться членами нормального общества въ Западной Европѣ и вреда отъ этого никакого не происходитъ, примѣненіе института съ каждымъ днемъ все расширяется, популярность растетъ еще быстрѣе. При такихъ условіяхъ едва-ли возможно продолжать обсуждать этотъ институтъ съ точки зрѣнія теоретической, изслѣдовать вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ институтъ этотъ согласуется съ господствующей въ наукѣ системой и можетъ ли быть ею одобренъ, какъ будто бы условное осужденіе являлось проектомъ только-что предложеннымъ, не провѣреннымъ еще здоровымъ положительнымъ опытомъ.

А дѣло между тѣмъ стоитъ какъ разъ наоборотъ; институтъ условнаго осужденія созданъ не теоріей, а практикой, не людьми науки, а людьми практическаго дѣла, практической борьбы съ преступленіемъ; имъ же, а за тѣмъ и вообще практическимъ государственнымъ дѣятелямъ обязанъ онъ главнымъ образомъ своимъ быстрымъ распространеніемъ: въ 10 лѣтъ (съ 1887—1897) онъ охватилъ всю Европу.

Исторія молодаго института условнаго осужденія показываетъ, что онъ появился на свѣтъ не въ видѣ готоваго законопроекта, прямо изъ головы Минервы, а созданъ практической жизнью; самая мысль зародилась въ Бостонѣ, въ Массачузетсѣ, благодаря полицейскому комиссару, внимательно относившемуся къ преступникамъ и практически, наблюденіемъ и инстинктомъ дошедшему до мысли о случайномъ преступникѣ, котораго не слѣдуетъ еще клеймить тюрьмой, а наоборотъ необходимо испытать, пригрозивъ ему, что въ случаѣ повторенія онъ будетъ наказанъ какъ настоящій преступникъ; та же практическая мысль объ испытаніи путемъ угрозы заложена и въ англійскомъ законѣ 1887 года, гдѣ она нашла

давно подготовленную почву въ системѣ поручительства. Въ томъ же совершенно практическомъ духѣ задуманъ и институтъ условнаго осужденія въ Бельгiи; разница только въ томъ, что здѣсь такъ сказать угроза получила болѣе опредѣленную форму¹⁾, не примѣняется только англійское поручительство, для котораго въ Европѣ нѣтъ почвы, и американскій надзоръ полици, для котораго въ Европѣ нѣтъ соответственныхъ органовъ; съ нѣкоторыми отличіями, тоже принципиально не существенными, введенъ этотъ институтъ въ Итали (ст. 27 и 28 угол. улож., введенн. въ дѣйствіе 1 января 1890 г.), и во Франціи въ 1891 году. Несмотря на нѣкоторое различіе въ формѣ, я полагаю, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ близкомъ сходствѣ всѣхъ этихъ институтовъ, мало того—въ полномъ тождествѣ основной мысли, положенной въ основу всѣхъ ихъ и отличающей, по своему характеру, свое такъ сказать *полицейское происхожденіе*. Дѣйствительно, это институтъ прежде всего предупрежденія будущихъ преступленій, а не наказанія совершенныхъ; изъ двухъ золъ—оставленія преступника какъ бы внѣшне матеріально не наказаннымъ (ниже мы докажемъ, что это далеко не такъ и что преступникъ все-таки наказанъ, но наказаніе только не носитъ того грубаго характера, которымъ отличаются и въ наше время дѣйствующія наказанія) и опасности новаго преступленія законодатель выбираетъ первое:—это чисто практическое соображеніе разсчета, экономіи.

Какъ же отнеслись представители теоріи и науки къ этому новому явленію, не содѣйствовали ли возрожденію его?—За немногими исключениями нѣтъ. Въ самые годы зарожденія и появленія въ свѣтъ въ Европѣ института условнаго осужденія, мы должны отмѣтить тюремный конгрессъ въ Римѣ 1885 года, оставившій вопросъ о полезности института условнаго осужденія безъ разрѣшенія, засѣданіе генеральнаго общества тюремъ въ Парижѣ въ 1888 году, которое высказалось противъ института, Петербургскій тюремный конгрессъ 1890

¹⁾ Угрожаютъ не только „судомъ“, но опредѣленнымъ, назначеннымъ, наказаніемъ.

года, который послѣ долгихъ дебатовъ въ общемъ собраніи отложилъ вопросъ объ условномъ осужденіи до слѣдующаго конгресса. Правда, въ томъ же 1890 году произошло въ Галле первое собраніе нѣмецкой группы международнаго союза криминалистовъ, высказавшееся за условное осужденіе, но затѣмъ, по крайней мѣрѣ, противники благоприятнаго рѣшенія громко и гласно утверждали (на Петербургскомъ конгрессѣ Кирхенгеймъ), что голосованіе это есть результатъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ и условій. Наконецъ Парижскій тюремный конгрессъ 1895 года высказался за условное осужденіе въ такой болѣе, чѣмъ сдержанной формѣ, какъ показываетъ текстъ резолюціи: „наиболѣе цѣлесообразными слѣдуетъ признать постановленія законодательствъ, предоставляющихъ уголовному суду приостанавливать приведеніе наказанія въ исполненіе надъ лицами, совершившими впервые преступное дѣяніе и приговоренными къ наказаніямъ краткосрочнымъ“. Съ этой резолюціей ученаго собранія интересно сопоставить рѣшеніе германскаго парламента, который въ засѣданіи 28 ноября 1896 года, выслушавъ рѣчь депутата Рёрена, доказывавшаго прекрасные практическіе результаты примѣненія института условнаго осужденія въ Бельгіи, принялъ, почти безъ преній, какъ вполне ясное и очевидно правильное, предложеніе комисіи, разсматривавшей проектъ новеллы по судоустройству, и, несмотря на возраженія министра юстиціи, постановилъ поручить германскому канцлеру обсудить вопросъ о введеніи въ общеперское законодательство института условнаго осужденія; въ преніяхъ при обсужденіи проекта новеллы участвовали лишь одинъ представитель науки, Марквардсенъ.

Такое отношеніе науки и ея представителей къ новому институту можетъ быть легко объяснено. Въ основѣ науки уголовного права, какъ и въ основѣ каждой другой науки, лежитъ система, основныя положенія которой тѣсно и логично (это главное) связаны между собой; основной принципъ науки уголовного права — „преступленіе должно быть наказано“; если этотъ принципъ отвергнуть, то не можетъ быть ни уголовного права, ни науки уголовного права, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Не надо забывать, что значитъ слово „наказывать“—это значитъ причинять матеріальный внѣшній вредъ лицу наказываемому въ той или другой формѣ; такъ понималось наказаніе до самаго послѣдняго времени, да въ сущности понимается и еще нынѣ; такое пониманіе слова „наказаніе“ уже само по себѣ говоритъ въ пользу того, что теорія возмездія, какъ основаніе наказанія, еще не отжила свой вѣкъ. Дѣйствительно, еще на Петербургскомъ конгрессѣ 1890 года такой талантливый русскій юристъ, какъ покойный Н. А. Неклюдовъ, совершенно рѣшительно заявилъ, именно при обсужденіи вопроса объ условномъ осужденіи, что мы наказываемъ не *ne peccetur*, а *quia peccatum est*; того же взгляда держался и на Петербургскомъ конгрессѣ, и въ работѣ, представленной Парижскому конгрессу, проф. Кирхенгеймъ; того же взгляда держится и по настоящее время не малое число нѣмецкихъ ученыхъ (русская школа, за исключеніемъ покойныхъ Неклюдова и Тальберга, давно оставила эту теорію). Странно однако, что и съ замѣной теоріи возмездія теоріей цѣлесообразности, понятіе наказанія, а съ нимъ вмѣстѣ въ сущности и всѣ карательныя системы, основанныя на теоріи возмездія, остались въ силѣ; прежде наказывали въ возмездіе за грѣхъ, теперь наказываютъ т. е. причиняютъ внѣшній вредъ для того, чтобы утратить, отбить охоту совершать преступленія, создать мотивъ для воздержанія отъ преступленія.

При такомъ пониманіи „наказанія“ институтъ условнаго осужденія, отрицающій въ сущности всякое внѣшнее принужденіе, признается отрицаніемъ всякаго наказанія, а слѣдовательно и подрывающимъ основной принципъ науки: „преступленіе должно быть наказано“; съ точки зрѣнія науки институтъ условнаго осужденія поэтому долженъ быть уподобленъ помилованію, освобожденію отъ наказанія, но даруемому только не высшею властью, а судьей; такое положеніе, разумѣется, нежелательно.

Но прежде чѣмъ отвѣтить на подобныя упреки, необходимо выяснитъ самое существо новаго института, а для этого слѣдуетъ разсмотрѣть его не особнякомъ, а въ составѣ общей системы, которой онъ составляетъ только

одно изъ звеньевъ, остановиться на томъ движеніи, благодаря которому онъ такъ быстро распространился въ Европѣ. Хотя это движеніе имѣетъ и своихъ теоретическихъ представителей, но по существу своему оно безусловно не можетъ быть признано теоретическимъ; мало того, хотя оно обще-европейское, по въ сущности въ каждомъ государствѣ совершенно самостоятельно и только благодаря сходству всего внутреннего строя европейскихъ государствъ между собою, переживаю каждымъ изъ этихъ государствъ тѣхъ же положеній, условій и затрудненій и можетъ быть объяснено однообразіе результатовъ, почти одновременное введеніе всей Европой института условнаго осужденія. Я вовсе не думаю говорить какъ бы въ похвалу институту условнаго осужденія, что онъ не совмѣстимъ съ дѣйствующей теоріей и обязанъ своимъ появленіемъ на свѣтъ и распространеніемъ практическому движенію среди современнаго европейскаго общества; нельзя однако же отрицать, что самыя высокія идеи распространялись быстро и получали осуществленіе только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ идеализировали существовавшее уже въ дѣйствительной жизни движеніе и разрѣшали этимъ отчасти задачи, вызвавшія это движеніе. Такъ было и въ данномъ случаѣ съ движеніемъ, благодаря которому распространился институтъ условнаго осужденія.

Движеніе это направлено противъ главной, въ сущности почти единственной, формы наказанія въ наше время — лишеніемъ свободы; всѣ прежде существовавшія формы наказанія постепенно вымирали по тѣмъ или другимъ причинамъ какъ подъ ударами критики со стороны мыслителей, филантроповъ (смертная казнь и различныя истязанія, тѣлесныя наказанія), такъ и въ силу практической невозможности осуществленія (ссылка) и другихъ причинъ (вира, выкупъ). И вотъ эта единственная форма наказанія оказывается мало состоятельной; число преступленій и преступниковъ растетъ гораздо быстрѣе народонаселенія, рецидивъ усиливается въ ужасающихъ размѣрахъ, увеличивается число преступниковъ, которые видятъ въ тюрьмѣ мѣсто отдохновенія и спокойнаго пристанища; въ то же время содержаніе мѣстъ заключенія, весьма многочисленныхъ, обходится государству крайне дорого, самое возведеніе тюремныхъ

зданий поглощаетъ, благодаря требованіямъ системы одиночнаго заключенія, громадныя суммы.

Насколько быстро увеличивается число преступниковъ и преступленій, показываетъ, на примѣръ, статистика Германіи (см. статью В. И. Срезневскаго, Новыя свѣдѣнія о преступности населенія Германіи, Жур. Мин. Юст., 1897, Мартъ): на 100 тысячъ населенія приходилось въ 1882 г.—1231 преступныхъ дѣяній, а черезъ двѣнадцать лѣтъ, въ 1893 г., ихъ было уже 1505; на то же число германцевъ въ 1882 г. было 1043 преступника, а въ 1893 г.—1210. Если обратимся къ Италіи, то *Statistica giudiziaria penale per l'anno 1894 г.* (стр. X и слѣд.) сообщаетъ слѣдующія данныя: въ годы 1881—1884 было всего осуждено 305211 чел., а въ 1894—370144; еще яснѣе, независимо отъ прироста населенія, слѣдующія цифры: въ 1881—84 г. на десять тысячъ жителей было 107,50 осужденныхъ, а въ 1894—120,47; дѣль уголовныхъ, рѣшенныхъ на сто тысячъ жителей, въ 1880—83 приходилось 1064,85, а въ 1894—1539,03. Французская статистика (*Compte général de l'administration criminelle en France pendant l'année 1892*) показываетъ, что судами съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и судами исправительными было всего осуждено 233105 чел. (2945+230060) и изъ нихъ рецидивистовъ 107110 чел.

Рецидивъ повышается, въ 1871—75 г. онъ составляетъ всего 47% числа осужденныхъ за „crimes“, въ 1881—85—52%, 1885—1890—56%, 91 и 92 годахъ—58%; число рецидивистовъ, осужденныхъ за преступленія, составляло въ 1888 г.—1648 м. 86 ж., въ 1892 г.—1638 м. 92 ж., за то осужденныхъ исправительными судами было въ 1880 г.—77009 и въ 1892 г.—105,380. Въ то же время характеръ наказаній измѣнился такимъ образомъ:

присуд. къ 1880	1888	1890	1892	(вѣроятно
катор. раб.: 72	61	56	61	на
тюр. закл.				1000)
менѣе года: 61	87	97	80	

рецидивъ				
кражи:	въ 1880	— 20146	1892	— 23056
присуд. на срокъ болѣе года:	—	2666	—	1726
дѣтей всего только:	—	345	—	688
рецид. бродяжества:	1888	— 13514,	а въ 1892	— 14551.

Несмотря на уменьшеніе числа заключенныхъ, притомъ послѣдовательное, изъ года въ годъ, рецидивъ въ Англии несомнѣнно увеличивается; число осужденныхъ *дважды* составило процентъ осужденныхъ одинъ разъ въ 72 г.—27.9; 83 г.—31.5; 93 г.—29.6.

Изъ числа осужденныхъ въ первый разъ *не* возвращаются 70%, *возвращаются* изъ числа вторично осужденныхъ 48, третій разъ 64%, четвертый разъ 71%, а пятый разъ 79% (Report from the Departem. Committee on Prisons 1895).

Говоря о рецидивѣ, нельзя не упомянуть объ интересныхъ данныхъ, сообщенныхъ въ Revue pénale suisse 1893, на основаніи справокъ о судимости кантона Бернъ; здѣсь встрѣчаются между прочимъ знаменитости, въ своемъ родѣ, отбывшія наказанія болѣе 100 разъ.

Подобные примѣры доказываютъ, что по крайней мѣрѣ на нѣкоторую часть преступниковъ тюремное заключеніе не дѣйствуетъ вовсе; а такъ какъ рецидивъ все увеличивается, въ нѣкоторыхъ странахъ даже и быстро, то мало по малу стало ясно, что одной изъ причинъ рецидива является негодность того средства, которое примѣняется къ борьбѣ съ преступленіемъ, именно тюремнаго заключенія. Признается прямо вреднымъ и несостоятельнымъ самый принципъ тюремнаго заключенія и собранія въ однѣ и тѣ же стѣны преступныхъ элементовъ различныхъ видовъ, при чемъ устраняется возможность какой бы то ни было индивидуализаціи наказанія, и случайные преступники отдаются какъ бы въ ученіе опытнымъ рецидивистамъ. Какъ справедливо замѣчаетъ отчетъ вышеупомянутаго англійскаго парламентскаго комитета, наряженнаго для разслѣдованія положенія тюремнаго дѣла: „лучшее средство борьбы противъ рецидива (стр. 11)—прекратить тотъ

источникъ, изъ котораго рецидивисты пополняются“; для этого члены комитета полагаютъ преступниковъ обычныхъ во всякомъ случаѣ отдѣлить отъ другихъ преступниковъ и устроить для нихъ особыя мѣста заключенія; не менѣе необходимо устроить особыя заведенія для алкоголиковъ; надо также молодыхъ, впервые наказанныхъ преступниковъ обставить въ тюрьмѣ особыми гарантіями, не смѣшивать ихъ никоимъ образомъ съ остальными преступниками. Не надо забывать, что Англія, несмотря на сравнительно съ другими государствами образцовое устройство тюремъ, первая ввела у себя условное осужденіе (1887).

Такое же „распаденіе“ тюрьмы предполагается и по проекту швейцарскаго уложенія; кромѣ двухъ видовъ заключенія, *réclusion* и *emprisonnement*, предполагено (прошло и комисію экспертовъ) и учрежденіе особыхъ заведеній, куда помѣщаются малолѣтніе до 18 л., для которыхъ помѣщеніе въ тюрьму не допускается вовсе, особые интернаты для закоренѣлыхъ рецидивистовъ (ст. 10 и 24 проекта по ред. эксп. ком.), особые обязательные пріюты для пьяницъ (28). Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1895 г. (14 и 15) швейцарское общество по уголовному и тюремному дѣламъ (*Schweizerischer Verein f. Straf u. Gefängniswesen*), выслушало между прочимъ докладъ извѣстнаго директора уголовной тюрьмы въ Ленцбургѣ J. V. Hürbin (напечатанъ въ *Verhandlungen* общества) о мѣстахъ заключенія, учрежденіе которыхъ необходимо по смыслу проекта швейцарскаго уложенія, при чемъ докладчикъ считалъ необходимымъ образованіе особыхъ мѣстъ заключенія въ каждомъ кантонѣ для молодыхъ преступниковъ, особыхъ домовъ для рецидивистовъ, спокойныхъ по характеру и прекрасно ведущихъ себя въ тюрьмѣ, но окончательно лишенныхъ свободы воли и потому обязательно впадающихъ вновь въ преступленіе, тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы и, наконецъ, особый домъ для всего швейцарскаго союза, въ который бы помѣщались особо опасные преступники и безпокойные рецидивисты.

Мнѣ могутъ сказать, что я напрасно называю указанное выше явленіе— „распаденіемъ тюрьмы“; это не распаденіе, а прогрессъ, удовлетвореніе весьма правильнаго требованія объ индивидуализаціи наказанія; да, это такъ, вѣрно, но вмѣстѣ

съ тѣмъ это несомнѣнное доказательство полного несоотвѣтствія нынѣшнихъ мѣстъ заключенія, гдѣ всѣ роды преступниковъ содержатся одинаково и вмѣстѣ, новымъ пенитенціарнымъ цѣлямъ. Но кромѣ того является вопросъ, въ состояніи ли будутъ правительства осуществить всѣ эти цѣли, станутъ ли средства на то, чтобы воздвигать всѣ эти разнообразной архитектуры дворцы для отбросовъ соціального организма, а если нѣтъ, то не придется ли все больше и шире разрабатывать вопросъ о новой системѣ карательныхъ мѣръ внѣ тюрьмы?

Но не имѣется ли къ тому и другихъ основаній? Современные теоріи, рассматривая преступленіе какъ соціальное явленіе, совершенно оригинально, по новому, объясняютъ причины преступности и тѣмъ самымъ вызываютъ необходимость созданія совершенно новыхъ средствъ для борьбы съ преступностью. Объясненія эти глубоко жизненны и совершенно согласуются съ взглядами, существующими въ народѣ. Я позволю себѣ назвать только двухъ представителей этого направленія: французовъ Жоли (Joly) и Тарда. Первый въ своихъ сочиненіяхъ *Le crime*, 1888, *La France criminelle*, 1889, *Le combat contre le crime*, 1892 года (на русскомъ языкѣ имѣется прекрасное изслѣдованіе взглядовъ Жоли, сдѣланное Е. Д. Сіоницкимъ въ IV т. Сборн. правовѣд. и общ. знаній Моск. юрид. общ.), предложилъ несомнѣнно имѣющую много за себя теорію „деклассациі“, какъ послѣдствія или даже лучше сказать непремѣннаго спутника современной цивилизаціи. Дѣйствительно, повѣйшая исторія, въ особенности исторія 19 столѣтія, стремясь обезпечить осуществленіе великихъ новыхъ задачъ и цѣлей, призвала всѣ силы всѣхъ классовъ народовъ въ дѣйствіе; въ этомъ могущественномъ движеніи впередъ отдѣльныя личности оказались простыми молекулами, каплями въ бурномъ потокѣ, всѣ прежнія группировки, подраздѣленія, мѣшавшія свободному присоединенію отдѣльныхъ личностей къ общему движенію или общимъ движеніямъ, были разрушены или значительно ослаблены. Результаты, въ смыслѣ объединенія всѣхъ имѣющихся въ народѣ силъ для осуществленія различныхъ улучшеній на всѣхъ путяхъ чело-

вѣческой дѣятельности, получились блестящія, достигнуты громадныя техническія улучшенія, но нравственность несомнѣнно пострадала и понятно почему. Всѣ эти группировки семьи, общины, цеха, корпорацій и др. представляли собой союзы, державшіеся извѣстныхъ принциповъ; въ этихъ группировкахъ только и могутъ, по мнѣнію Жоли, развиваться въ человѣкѣ и окрѣпнуть тѣ взгляды, наклонности и черты, которые удерживаютъ личность на почвѣ регулярности, благо-разумія, уваженія къ ближнимъ и боязни *общественнаго мнѣнія*; здѣсь только, въ этомъ уваженіи къ ближнимъ и близкимъ, въ этомъ спасительномъ чувствѣ стыда передъ людьми, *стоящими рядомъ въ кадрахъ регулярнаго общества*, въ этомъ уваженіи къ ихъ мнѣнію и боязни ихъ осужденія, здѣсь только человѣкъ можетъ найти оплотъ противъ соблазновъ и искушеній. Съ другой стороны, экономическое движеніе создаетъ новыя кооперативныя группировки, разумѣется далеко не столь тѣсныя, не обнимающія всей личности человѣка какъ прежнія, но все же представляющія несомнѣнную силу. Мало по малу, какъ говоритъ другой французскій ученый Тардь въ своемъ изслѣдованіи: „*La criminalité comparée*“ (1886 г.), занятіе преступленіемъ обратилось въ ремесло и на этой почвѣ стали образовываться тоже союзы на подобіе всякимъ другимъ производительнымъ промышленнымъ союзамъ. По выходѣ изъ тюрьмы преступники колеблются между примѣромъ большей части общества (стр. 86), честной такъ сказать его части, которая, однако, недружелюбно на нихъ смотритъ и не выражаетъ особой готовности принять ихъ, и части того же общества преступной, которая готова ихъ охотно натурализовать, и въ концѣ концовъ, какъ бы въ силу злаго рока, поступаютъ въ ряды послѣдней. Ремесло преступное стало выгоднѣе, оно ведется совокупными силами на началахъ взаимопомощи; въ то же время наказанія стали слабѣе, а богатство значительно прибавилось. Тардь приводитъ слова французскаго судебнаго отчета 1878 года, указывающаго, что впаденіе вновь въ преступленіе происходитъ главнымъ образомъ въ первые мѣсяцы по выходѣ изъ тюрьмы, откуда слѣдуетъ, что „*трудность для освобожденныхъ изъ тюрьмы вновь*

войти въ ряды нормальнаго общества, реклассироваться, и составляетъ единственную причину увеличенія рецидива“ (стр. 90).

Въ другомъ своемъ сочиненіи *La philosophie pénale*, 1891 (стр. 265 и др.), Тардъ, согласно съ общей своей философской теоріей, доказываетъ, что всѣ общества и нынѣ, и прежде держались на согласіи во взглядахъ членовъ по крайней мѣрѣ относительно наиболѣе общихъ вопросовъ, на одобреніи всѣмъ обществомъ одного и неодобреніи другаго; преступленіемъ, совершившій его разобщается со всѣмъ остальнымъ обществомъ, но еще болѣе разобщается онъ, когда это преступленіе, благодаря суду, разглашается; скорѣе есть типъ пенитенціарный, чѣмъ типъ преступный. Въ другомъ мѣстѣ (тамъ же, стр. 222) авторъ говоритъ, что идеаль юстиціи—такое состояніе, когда общество исключало бы изъ своей среды и посылало въ свои тюрьмы дѣйствительно самыхъ отъявленныхъ злодѣевъ, которыхъ ни дисциплинировать, ни ассимилировать нормальному обществу нельзя. Европа идетъ въ этомъ направленіи, но еще далеко до идеала.

Остановимся на этихъ новыхъ взглядахъ, согласно которымъ главныя причины преступности лежатъ въ деклассациі, въ оторваніи отдѣльныхъ лицъ отъ группировокъ нормальнаго общества, въ разобщеніи ихъ затѣмъ съ нормальнымъ обществомъ, благодаря преступленію, суду и тюрьмѣ, и въ затруднительности послѣдующей реклассациі. Если вспомнить господствующіе и нынѣ въ теоріи, и въ особенности въ дѣйствующей карательной системѣ, взгляды на преступника и на наказаніе, то мы должны будемъ признать, что вся система наказаній рассчитана на изверженіе преступника изъ нормальнаго общества, на заклеиваніе его, прежде наружнымъ клеймомъ, а теперь не менѣе жестокимъ клейменіемъ „внутреннимъ“, какъ говорятъ одинъ изъ германскихъ тюрьмовѣдовъ Брауне, такъ называемымъ наказаніемъ „дополнительнымъ“; „бѣда“, говоритъ Брауне, „тому, кто попадетъ въ сѣть этой системы дополнительныхъ наказаній, она затрудняетъ осужденному возвращеніе къ нормальной упорядоченной жизни и именно вну-

треннымъ клейменіемъ, не говоря уже о препятствіяхъ, создаваемыхъ этой системой при поискахъ за честнымъ заработкомъ“ (см. мою статью „Возстановленіе утраченныхъ правъ“, Жур. Мин. Юст. 1895 г. Декабрь).

Но и безъ этихъ дополнительныхъ наказаній тюрьма сама по себѣ точно также внутренно клеймитъ, она является безусловно произведеніемъ прежнихъ теорій наказаній, времени, когда существовали „клоповники“, и способствуетъ главнымъ образомъ неисправимому затѣмъ разобщенію преступника съ обществомъ, она отрываетъ его отъ семьи, которая на время „сидѣнія“ преступника въ конецъ разоряется и выдаетъ въ ту безысходную нищету, которая ведетъ къ преступленію, она заставляетъ преступника бросить честныя занятія, забыть объ обязанностяхъ въ отношеніи семьи, объ обязанности зарабатывать себѣ хлѣбъ, объ обязанностяхъ въ отношеніи общества и государства, пріучаетъ его къ лѣни, но, что главное—она заставляетъ его жить извѣстное время въ такомъ мѣстѣ, гдѣ собраны со всей страны преступные элементы. Понятно поэтому, что даже въ Англии, гдѣ тюрьмы образцовыя, по словамъ Ашротта, господствуетъ сильное теченіе въ пользу того, чтобы давать возможность преступникамъ добрымъ поведеніемъ избавиться отъ клейма: „сидѣль въ тюрьмѣ“.

Понятно также, если авторъ извѣстнаго сочиненія *Die Abschaffung der Sfraknechtschaft, 1896—1897, Dr. Julius Vargha* говоритъ, что трудно даже понять, какъ люди могли додуматься до того, чтобы собирать всѣ безнравственные элементы со всей страны въ одно мѣсто и надѣяться такимъ образомъ достигнуть какихъ-нибудь другихъ цѣлей кромѣ культивировавія преступности и обращенія этихъ самыхъ мѣстъ заключенія въ *entehrende Kasernen*, обезпечающія казармы.

Эта послѣдняя мысль, выраженная профессоромъ-теоретикомъ, не ему принадлежитъ,—она глубоко прочувствована людьми жизни и взята прямо изъ жизни; всѣмъ безъ исключенія сознается, какой колоссальный вредъ приносятъ тюрьмы, что значитъ „клеймо“, налагаемое на сидѣвшихъ въ тюрьмѣ, насколько тюрьмѣ по самому существу ей присущи такіе же
Жур. Мин. Юст. Сентябрь 1897.

достатки, которых при самомъ образцовомъ устройствѣ устранить нельзя, насколько тюрьма въ самомъ существѣ своемъ принадлежитъ къ той системѣ наказанія, которая была рассчитана на изверженіе преступника изъ общества. А между тѣмъ, помимо принципіальныхъ взглядовъ, въ силу внѣшнихъ измѣнившихся обстоятельствъ какъ то переполненія колоній населеніемъ, отсутствія совсѣмъ ненаселенныхъ мѣстъ, полной почти отмѣны смертной казни и т. д. изверженіе преступниковъ стало невозможно, приходится измѣнить самую систему борьбы съ преступленіемъ: вмѣсто системы вывоза отбросовъ соціального организма, надо перейти къ системѣ обезвреженія и оставленія на мѣстѣ, надо принять мѣры къ тому, чтобы преступники, которыхъ приходится оставлять среди общества, могли бы быть оставляемы безъ вреда для послѣдняго. И вотъ поэтому понятно, что въ наше время, когда и государственные люди совершенно откровенно и прямо, а за ними, хоть и далеко не вполне чистосердечно, и представители науки признаютъ, что дѣло государственной власти—не карать за грѣхи, а бороться съ преступленіемъ какъ съ соціальнымъ зломъ, болѣзью, предупреждать совершеніе новыхъ преступленій, полная несостоятельность тюрьмы, какъ средства борьбы съ преступленіемъ, стала очевидна. Признано, говоря словами того же Варга, что „es war zu viel gestraft, zu viel gekerkert“. Сознана открыто и откровенно необходимость установленія новой системы наказанія, въ которой тюрьма занимала бы мѣсто не цѣлительнаго средства отъ всѣхъ болѣзней, какъ теперь, а лишь неизбѣжнаго зла, предѣлы котораго необходимо, по возможности, ограничить. Если идеалисты-теоретики, идеализируя это движеніе, повторяютъ все чаще „tout comprendre c'est tout pardonner“, то дѣятели-практики вовсе не думаютъ о прощеніи, объ оставленіи безнаказанными преступниковъ, о капитулированіи предъ грознымъ напоромъ и усиленіемъ преступнаго рецидива, но занялись выработкой цѣлой системы различныхъ мѣръ для борьбы съ преступленіемъ. Эти мѣры касаются прежде всего предупрежденія преступленій: таковы разпообразныя обширныя мѣры по борьбѣ съ нищенствомъ, бродяжествомъ, безработицей, созданіе всевозможныхъ

рабочихъ домовъ, рабочихъ колоній, странпопріимныхъ станцій и т. д.,—цѣлая громадная отрасль дѣятельности, подробно рассмотрѣнная въ обширномъ великолѣпно разработанномъ докладѣ Парижскому конгрессу г.г. Дрейфуса, Ривьера и Дриу (Bullet. Com. pénit inter. 1895 Avril). Связь между устройствомъ рабочихъ домовъ и паденіемъ или ростомъ преступности представлена въ отчетѣ англійскихъ инспекторовъ надъ мѣстными тюрьмами за 1895 г. (Report of the Commis. of Prisons) особой картограммой, при чемъ оказывается, что чѣмъ большее число лицъ воспользовалось in-door relief, т. е. помощью съ поступленіемъ въ самый рабочій домъ, тѣмъ меньше содержалось въ тюрьмахъ.

Затѣмъ слѣдуютъ всевозможныя принудительно-воспитательныя заведенія для нравственно испорченной или преступной молодежи, особые интернаты для алкоголиковъ, какъ людей, которые даютъ высокій процентъ преступности, цѣлый рядъ другихъ мѣръ, которыя французы называютъ „le rattronage avant le crime“.

Наконецъ и относительно совершившихъ преступленіе примѣняется цѣлый рядъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать разобщенію преступника съ обществомъ, которое вызываетъ тюрьма, и кромѣ „устрашенія“ путемъ тюрьмы, въ чемъ весьма сомнѣваются, вызвать въ самомъ преступникѣ желаніе жить согласно съ закономъ, создать въ немъ мотивъ для такой дѣятельности и дать ему возможность такой честной дѣятельности въ рядахъ нормальнаго общества, несмотря на преступное прошлое.

Этими принципами проникнуты институты досрочнаго условнаго освобожденія изъ тюремъ, условнаго осужденія, возстановленія утраченныхъ по суду правъ; во имя этихъ принциповъ стараются сѣздить ограниченія правъ и вообще всю ту систему дополнительныхъ наказаній съ полицейскимъ надзоромъ, которая такъ пышно цвѣла еще недавно и благодаря которой достигалась одна только цѣль: преступнику, отбывшему наказаніе, какъ бы умышленно затрудняли возможность возвращенія въ нормальное общество, его позорили, клеймили, предавали гласности

его прошлое и толкали его такимъ образомъ какъ бы насильственно въ ряды ремесленниковъ преступленія. Необходимо именно разсматривать институтъ условнаго осужденія въ связи со всѣми другими мѣрами, выдвинутыми упомянутымъ нами движеніемъ; это имѣетъ важное значеніе, ибо только съ такой точки зрѣнія становится понятнымъ все значеніе института, который вовсе не является частичнымъ техническимъ улучшеніемъ, которое можно примѣнить, но безъ котораго можно обойтись, а наоборотъ представляется совершенно необходимымъ въ наше время. Я позволю себѣ одно прозаическое сравненіе: нельзя видѣть въ предлагаемой мѣрѣ сладкій сокъ, благодаря которому вода становится вкуснѣе, но безъ котораго легко можно обойтись, а нѣкоторымъ онъ даже не по вкусу; нѣтъ; предлагаемая мѣра есть тотъ фильтръ, который очищаетъ воду отъ микробовъ и отъ котораго въ наше время, какъ отъ благодѣтельнаго изобрѣтенія, немногіе согласятся отказаться. Только при разсмотрѣніи въ связи со всей системой становится понятнымъ самый характеръ института условнаго осужденія. Онъ является однимъ изъ видовъ наказанія новой системы, а не видомъ помилованія, какъ на него смотритъ старая школа; институтъ условнаго осужденія столько же можетъ быть уподобленъ помилованію, сколько и другіе институты новой системы, досрочное условное освобожденіе, реабилитація и т. д. Различіе спеціально реабилитаціи отъ помилованія выражено было прекрасно французскимъ государственнымъ совѣтомъ въ его рѣшеніи 8 іюня 1823 г.; по мнѣнію совѣта: „помилованіе имѣетъ своимъ источникомъ милосердіе короля, реабилитація—его чувство справедливости, помилованіе не уничтожаетъ, не изглаживаетъ судебного приговора, а лишь прекращаетъ наказаніе, наоборотъ, право на реабилитацію по закону осужденный пріобрѣтаетъ только по отбытіи наказанія“. Фостень Эли (Traité d'instruct. criminelle, t. VIII, 1867, ch. II), приводящій рѣшеніе государственнаго совѣта, говоритъ: „Реабилитація принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ нашихъ учреждений, которыя преслѣдуютъ цѣль возбудить у человѣка желаніе хорошо себя вести и удерживать его отъ дурнаго приманкой

награды. Реабилитация оживляет нравственное чувство в сердцах осужденных и возвышает их в их собственных глазах, давая им надежду вступить опять в жизнь всего общества и вернуть себя все права гражданина. Таким образом, общество заинтересовано в развитии реабилитации, путем которой достигается не только возвращение в общество полезных людей, возрождение потерянных для него членов, но и поддержание всех осужденных, во время их долгого испытанія, мыслью о возможности для них возрожденія, и предохраненія их от нравственнаго паденія увѣренностью, что они будутъ имѣть возможность вернуть себя уваженіе общества“. Слова, сказанныя Эли относительно реабилитации, вполне передаютъ основную мысль института условнаго осужденія и здѣсь точно также обращаются къ добрымъ, не заглушимъ еще въ человѣкѣ, инстинктамъ и надеждой освобожденія отъ наказанія, какъ наградой, стараются вызвать преступника къ нормальной жизни. Возможно ли говорить о помилованіи, когда окончательное освобожденіе отъ наказанія въ старомъ смыслѣ слова, т. е. перенесенія матеріальнаго вреда, поставлено въ зависимость не отъ милости монарха, а отъ доброй воли осуждаемаго и его желанія воздержаться отъ новыхъ нарушеній закона; какъ могутъ быть согласованы подобныя условія съ основнымъ понятіемъ верховной власти?

Если уподобить условное осужденіе помилованію, то придется принять и процессуальную такъ сказать сторону помилованія, т. е. разрѣшеніе вопроса о возможности примѣненія условнаго осужденія высшимъ административнымъ учрежденіемъ на основаніи письменныхъ представленій мѣстныхъ органовъ, а между тѣмъ такое разсмотрѣніе именно не соотвѣтствуетъ существу института, который носитъ вполне судебный характеръ; здѣсь необходима *устность*, личный допросъ осужденнаго, оцѣнка *впечатлѣнія*, производимаго имъ и его отвѣтами; все эти элементы письменнымъ докладомъ передать быть не могутъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя забывать, какое громадное число случаевъ примѣненія условнаго осужденія, при чемъ каждый случай въ отдѣльности не можетъ,

разумѣтся, заслуживать какого-либо особаго вниманія, и можно сказать то же, что такъ прекрасно сказано редакціонною комиссіею нашего новаго уложенія относительно реабилитаціи: „случаи этого рода едва-ли могутъ имѣть столь важное значеніе, чтобы каждый разъ восходить на непосредственное усмотрѣніе власти верховной“ (Объясненіе, т. I, стр. 242).

Если условное осужденіе не помилованіе, то все-таки является ли оно наказаніемъ въ томъ смыслѣ, какъ понимается наказаніе въ настоящее время, и можетъ ли оно вообще быть признано наказаніемъ съ точки зрѣнія возмездія? Современныя воззрѣнія, какъ я уже говорилъ выше, сводятъ наказаніе къ причиненію внѣшняго матеріальнаго вреда, и въ этомъ смыслѣ условное осужденіе — не наказаніе. Но и современная система наказаній, основанная на принципѣ возмездія, не придерживается строго вышеупомянутаго пониманія наказанія и въ ней существуютъ „внушеніе и выговоръ“, какъ самостоятельныя наказанія, а въ нашемъ дѣйствующемъ уголовномъ уложеніи оно даже указано для цѣлаго ряда преступленій; между тѣмъ внушеніе входитъ, какъ необходимая составная часть, въ институтъ условнаго осужденія и слѣдовательно уже по этому одному нельзя отрицать карательнаго характера этого института. Но кромѣ этого имѣется и вторая часть того же условнаго осужденія — это угроза; напрасны въ этомъ отношеніи указанія на то, что будто бы и всѣ остальные, не совершавшіе преступленія, граждане живутъ подъ такой же угрозой, въ случаѣ совершенія преступленія быть наказанными; нѣтъ, тѣ, которые условно осуждены, живутъ подъ совершенно опредѣленной угрозой: сверхъ наказанія за будущее преступленіе отбыть еще наказаніе и за прошлое; мало того, въ періодъ испытанія весьма часто ограничиваются личныя права и преимущества (то, что мы называемъ теперь особенными правами) лицъ испытуемыхъ. Условное осужденіе является несомнѣнно наказаніемъ даже съ точки зрѣнія теоріи возмездія, оно причиняетъ наказуемому вредъ, правда, не матеріальный, а лишь моральный; но, разумѣтся, это наказаніе болѣе утонченное; перемѣна въ этомъ смыслѣ въ системѣ наказаній, предлагае-

мая новымъ направлѣніемъ, является не болѣе какъ продолженіемъ дѣла, начатаго Беккариа, и дальнѣйшимъ осуществленіемъ его принциповъ. Вотъ что говоритъ Беккариа („О преступленіяхъ и наказаніяхъ“, § XV, умѣренность наказанія, пер. Заруднаго, стр. 68 и слѣд.): „Цѣль наказанія вовсе не состоитъ ни въ томъ, чтобы терзать и мучить впечатлительное существо, ни въ томъ, чтобы уничтожить преступленіе, уже совершенное..... Вопли несчастныхъ могутъ ли вырвать изъ времени, которое ничего не возвращаетъ, дѣйствіи уже совершившіяся? Значитъ, цѣль наказанія не можетъ быть иная, какъ прегражденіе виновному всякой возможности нанести обществу такой же ущербъ и отдалить и другихъ отъ подобныхъ злодѣяній. Слѣдовательно, нужно избрать *такія наказанія* и такой способъ ихъ примѣненія, чтобы, сохранивши соразмѣрность наказаній съ преступленіями, сдѣлать болѣе дѣйствительное и болѣе продолжительное впечатлѣніе на духъ людей и мѣнѣе мучительное на тѣло виновнаго..... По мѣрѣ того какъ увеличивается суровость казней и человѣческая душа ожесточается....; страны и столѣтія самыхъ лютыхъ казней были всегда поприщемъ самыхъ кровавыхъ безчеловѣчныхъ преступленій. Строгость наказаній должна соответствовать состоянію самаго государства; по мѣрѣ развитія народа въ условіяхъ общежитія, возрастаетъ и впечатлительность и вмѣстѣ съ тѣмъ должна ослабляться строгость наказаній“....

Примѣненіе этихъ высокихъ принциповъ можно наблюдать и въ дѣлѣ воспитанія, и здѣсь постепенно измѣняются взгляды на приемы воспитанія и притомъ въ томъ же направленіи. Давно ли считали, что безъ тѣлесныхъ наказаній нельзя воспитать порядочнаго человѣка, давно ли была въ силѣ поговорка: „за одного битаго можно дать двухъ небитыхъ“; гдѣ же слѣды этого недавняго времени и какъ же произошла собственно эта перемѣна, народилось ли лучшее поколѣніе, къ которому не было надобности примѣнять насильственныхъ мѣръ, или же наоборотъ убѣдились, что насильственными мѣрами только прививаются грубыя чувства, что примѣненіемъ грубыхъ насильственныхъ мѣръ притупляются самыя благородныя чувства, которыя именно необходимо вос-

питывать въ человѣкѣ, что при примѣненіи насильственныхъ мѣръ ребенокъ скоро *привыкаетъ* къ нимъ, такъ что у воспитателя не остается больше средствъ заставить себя слушаться. Тотъ воспитатель хорошъ, который, не подымая голоса, умѣетъ заставлять себя слушаться, у котораго, какъ это было въ одной частной гимназіи, высшимъ наказаніемъ было не подать школьнику руки, и школьникъ чувствовалъ это. Разница возраста и нравовъ не измѣняетъ основнаго принципа. Для того, чтобы подчинить себя чужую волю, надо прибѣгать къ тѣмъ же приемамъ. И при условномъ осужденіи нарушившему законъ причиняютъ вредъ, но не столько матеріальный, сколько моральный, дѣлаютъ ему внушеніе въ судѣ, а затѣмъ заставляютъ его жить подъ угрозой наказанія матеріальнаго, въ случаѣ если онъ будетъ себя дурно вести.

Принадлежа такимъ образомъ къ новой системѣ болѣе мягкихъ наказаній, институтъ условнаго осужденія основанъ и на томъ принципѣ, которымъ проникнуты другіе институты той же системы. Принципъ этотъ есть продуктъ нашего времени и имѣетъ примѣненіе и внѣ системы наказаній; онъ можетъ быть выраженъ такъ: если мы желаемъ удержать человѣка среди нормальнаго общества, хотимъ, чтобы онъ велъ себя, какъ причлещтуетъ честному, здоровому члену общества, то прежде всего его не надо унижать, надо къ нему относиться съ уваженіемъ, выказывать, что ему довѣряютъ, и тогда онъ будетъ стараться вести себя такъ, чтобы не потерять этого довѣрія, ему будетъ что сохранять; видя, что его уважаютъ другіе, онъ самъ себя будетъ уважать и будетъ признавать извѣстные поступки несомнѣнными съ своею честию; *надо сохранить въ человѣкѣ уваженіе къ себѣ самому, какъ главный стимулъ порядочнаго поведенія*. Надо сохранить за человѣкомъ довѣріе, вѣру, что онъ будетъ хорошо себя вести въ будущемъ, даже и послѣ того, что онъ однажды нарушилъ законъ, совершилъ преступленіе или проступокъ, надо допустить, что совершеніе преступленія въ данномъ случаѣ, впервые, не указываетъ на испорченность натуры, а является результатомъ несчастнаго стеченія обстоятельствъ, которое въ данную минуту оказалось сильнѣе, чѣмъ сопроти-

вление, которое могъ по своему характеру, по размѣрамъ своихъ душевныхъ силъ, оказать преступникъ. Надо, однимъ словомъ, вѣрить и допускать, что мы имѣемъ дѣло со „случайнымъ преступникомъ“, а не „преступникомъ по ремеслу“, что нѣтъ основаній поэтому опасаться совершенія имъ новаго преступления, что поэтому его надо сохранить для нормальной жизни и для этого не выбрасывать изъ этой жизни, не клеймить, не позорить наказаньемъ. Среди другихъ институтовъ той же системы институтъ условнаго осужденія имѣеть своею задачею именно борьбу съ случайнымъ преступникомъ, предназначенъ для наказанія такихъ преступниковъ безъ изъятія ихъ изъ среды нормальнаго общества.

Трудно въ настоящее время опредѣлить, какъ широко понятіе случая, „случайности“ преступления, насколько вполнѣ нравственный человѣкъ, нормальный здоровый членъ общества способенъ, при стеченіи особыхъ обстоятельствъ, совершить преступленіе. Это громадный вопросъ. Этому вопроса касается отчасти и наше законодательство, освобождая отъ наказанія лицъ, совершившихъ преступленіе въ состояніи крайней необходимости, уменьшая наказаніе людямъ, совершившимъ преступленіе въ состояніи крайней нужды; французское законодательство освобождаетъ отъ наказанія за убійство мужа, лишившаго жизни жену, которую онъ засталъ съ любовникомъ. Суды вносятъ коррективъ, оправдывая на примѣръ матерей, которыя, волнуемая стыдомъ и страхомъ вслѣдъ за родами, убиваютъ своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей, и т. д. (подр. см. мое соч. „Судъ присяжныхъ и экспертиза въ Россіи“). Естественныя науки вносятъ свой коррективъ, доказывая, что отдѣльныя дѣйствія человѣка могутъ совершенно расходиться съ общимъ характеромъ человѣка при известномъ стеченіи обстоятельствъ, что можно совершить преступленіе въ состояніи *Momentirrsinn*, моментальнаго помѣшательства, которое не оставляетъ никакихъ за собою слѣдовъ.

Если теперь стать искренно на точку зрѣнія цѣлесообразности при выборѣ наказанія, то едва-ли возможно будетъ признать правильнымъ и практичнымъ запираеть этихъ случайныхъ преступниковъ на долгое время въ тюрьму, клей-

мать, позорить ихъ; наоборотъ, станетъ вполне понятнымъ и необходимымъ изыскать особыя средства для наказанія этихъ преступниковъ, отнестись къ нимъ иначе.

Далѣе, если наука, какъ можно надѣяться, по прежнему не будетъ признавать существованіе прирожденныхъ преступныхъ типовъ, то понятіе „случайнаго преступника“ будетъ все расти, убѣдятся, что все преступники по ремеслу начали съ того, что были преступниками случайными и только благодаря неблагоприятнымъ условіямъ выработались въ ремесленниковъ своего дѣла. А если, какъ я старался доказать выше, однимъ изъ этихъ неблагоприятныхъ условій и притомъ самымъ главнымъ является нынѣ существующая система наказаній, то, понятно, какое громадное значеніе пріобрѣтаетъ институтъ условнаго осужденія, который поставилъ себѣ задачей спеціально пренятствовать переходу преступника случайнаго въ преступника по ремеслу; оставляя случайнаго преступника въ нормальныхъ условіяхъ жизни, условное осужденіе достигаетъ этимъ двухъ результатовъ: во-первыхъ, даетъ преступнику возможность поддержать связь съ нормальнымъ обществомъ и спеціально сохранить честный заработокъ и, во-вторыхъ, не допускаетъ этого случайно совершившаго преступленіе до общенія въ тюрьмѣ съ ремесленниками преступленія.

Самую функцію наказанія условное осужденіе, какъ показываетъ опытъ, осуществляетъ великолѣпно; внушеніе вмѣстѣ съ угрозой вдвойнѣ быть наказаннымъ, при оставленіи осужденнаго въ средѣ нормальнаго общества, даетъ прекрасные результаты, число воздержавшихся отъ повторенія преступленія весьма велико. При такихъ условіяхъ не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что если даже въ условномъ осужденіи откажутся совершенно признавать „наказаніе“ въ нынѣшнемъ значеніи этого слова—возмездіе, причиненіе вреда (хотя бы моральнаго, а не матеріальнаго), то нельзя будетъ тѣмъ не менѣе не считать условное осужденіе наказаніемъ въ новомъ смыслѣ слова съ точки зрѣнія теоріи цѣлесообразности, какъ мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій, мѣры, и притомъ весьма удачной, въ борьбѣ съ преступленіемъ.

Если примѣненіе условнаго осужденія въ настоящее время ограничивается пока замѣной только краткосрочныхъ наказаній лишеніемъ свободы, то это потому, во-первыхъ, что краткосрочныя наказанія самое слабое мѣсто въ нынѣшней неудовлетворительной системѣ наказаній, такое мѣсто, которое представителямъ старыхъ воззрѣній пришлось сдать неприятно по невозможности дольше защищать, и, во-вторыхъ, потому, что боялись, насколько основательно, это другой вопросъ, чтобы примѣненіемъ этого наказанія взамѣнъ болѣе серьезныхъ наказаній не поколебать правоваго порядка въ государствѣ, не вызвать волненія среди людей, не понимающихъ смысла и значенія этого института.

Что касается того, что краткосрочныя наказанія представляютъ собой самое больное мѣсто существующей карательной системы, то въ этомъ сомнѣній кажется нѣтъ; въ этихъ наказаніяхъ основной принципъ нынѣшней карательной системы доведенъ до утрировки; какъ справедливо замѣчаютъ, сыпался и сыплется до сихъ поръ цѣлый дождь краткосрочныхъ наказаній. У Листа, а затѣмъ и у Розенфельда, приведены любопытныя данныя: въ Германіи 67% всѣхъ наказаній падаетъ на тюремное заключеніе и изъ этихъ послѣднихъ 80% на наказанія тюрьмой на срокъ менѣе трехъ мѣсяцевъ, а $\frac{1}{3}$ на срокъ не превышающій трехъ дней; во Франціи 40% всѣхъ присужденныхъ къ тюрьмѣ было назначено наказанье на срокъ не свыше 2 недѣль; въ Бельгіи изъ числа 90.000 присужденныхъ къ лишенію свободы 72.210 присуждено было къ тюрьмѣ, и изъ нихъ 35.685—къ заключенію на срокъ отъ 8 дней до 1 мѣсяца и т. д. Не можетъ быть сомнѣнія, что такое краткое лишеніе свободы не можетъ имѣть особо устрашающаго значенія и только даетъ случай осужденному познакомиться и сойтись съ преступнымъ людомъ. Понятно, поэтому, мнѣніе Листа, который находитъ, что главныя мѣста, гдѣ вырабатываются преступники по ремеслу— это провинціальныя маленькія тюрьмы, кабаки и публичные дома. Какъ говоритъ Готье, женевскій профессор (*Revue pénale suisse* 1890) въ статьѣ *A propos de la condamnation conditionnelle*, „покарать преступника немилосердно за первое же преступленье—

это значить вызвать въ немъ отчаяніе, которое приводитъ къ поступкамъ неблагоразумнымъ, это значить толкать его къ неминуемой гибели тѣмъ болѣе, что, познакомившись съ нашими тюрьмами, онъ перестанетъ ихъ бояться". Понятенъ поэтому и выводъ Готье, который онъ вкладываетъ въ уста одного изъ заключенныхъ: „лучшее средство сдѣлать тюремное заключеніе дѣйствительнымъ—это сажать въ тюрьмы какъ можно меньше народа“. Ту же мысль высказываетъ тюремовѣдъ Кроне (цитир. у Aschrott, Ersatz kurzzeitiger Freiheitsstrafe, 1889), который говоритъ: „мечъ, который употребляютъ для колки дровъ, отказывается служить въ день битвы“. Общій характеръ системы краткосрочныхъ наказаній Готье опредѣляетъ такъ: „мы фабрикуемъ рецидивистовъ путемъ краткосрочныхъ наказаній, расходуя при этомъ на это громадныя средства“.

Не можетъ быть, разумѣется, сомнѣній въ необходимости замѣны подобныхъ наказаній, которыя примѣнялись и примѣняются только для удовлетворенія логической послѣдовательности или лучше сказать просто научнаго силлогизма: всѣ преступленія должны быть наказаны, данное дѣяніе есть преступленіе, слѣдовательно, оно должно быть наказано, хотя бы только для вида. Это лицемѣріе несомнѣнное, но научная логика торжествуетъ. Не можетъ быть сомнѣній въ полезности при такихъ условіяхъ примѣнять наказанія, все равно пользы отъ примѣненія не будетъ, а вредъ несомнѣненъ. Какія статистическія вычисленія точно опредѣляютъ, сколькимъ изъ числа тѣхъ преступниковъ, которые за первое же преступленіе подверглись тюремному заключенію, это заключеніе принесло вредъ, а сколько изъ нихъ и безъ тюрьмы выработались бы въ рецидивистовъ! Всякій расчетъ, подобно приведенному нами выше изъ англійскихъ отчетовъ, указывающій, сколько изъ отбывавшихъ впервые наказаніе въ тюрьмѣ не возвращается въ нее болѣе, всегда будетъ приблизителенъ; такъ точно и вліяніе на уменьшеніе рецидива института условнаго осужденія статистически не скоро можно будетъ опредѣлить, въ особенноти потому, что ростъ рецидива не есть что-нибудь опредѣленное, постепенное,—слиш-

комъ часты скачки, а слѣдовательно не скоро представится возможность опредѣлить, какъ бы рецидивъ развивался безъ условнаго осужденія и каково вліяніе послѣдняго? Но и теперь нельзя не признать, что результаты блестящіе; благодаря введенію института обнаружена наличность 93 и болѣе процентовъ случайныхъ преступниковъ, въ отношеніи которыхъ задача государственной власти должна быть, такъ сказать, отрицательная: воздержанія отъ тѣхъ неудачныхъ карательныхъ мѣръ, которыя изгоняютъ осужденныхъ изъ рядовъ нормальнаго общества и толкаютъ ихъ на путь порока и преступленія.

Какое громадное значеніе приобрѣтено этимъ институтомъ при осужденіяхъ за кражи; преступленіе это безспорно — незамысловатое; какъ часто совершается оно впервые по незрѣлости, непониманію важности этого преступленія, по неумѣнью молодаго человѣка сдерживать себя въ желаніи покурить, столь естественномъ въ ранніе молодые годы, по неумѣнью найти работу; такое единичное проявленіе неводержанности, заслуживающее и порицанія, и наказанія, тѣмъ не менѣе не свидѣтельствуетъ еще вовсе о преступности натуры, о негодности къ жизни среди нормальнаго общества. Если, благодаря условному осужденію, такой молодой человѣкъ останется на свободѣ въ прежнихъ условіяхъ, то можетъ быть и бывшій его хозяинъ скалится надъ нимъ и простить его на первый разъ, можетъ быть близкіе помогутъ пристроиться къ дѣлу; но лицо, отбывшее тюремное заключеніе за кражу, уже не можетъ надѣяться получить занятіе, оно всѣмъ внушаетъ недовѣріе, а такъ какъ существовать и кормиться надо, то приходится вышедшему изъ тюрьмы идти въ рабочіе воровскаго ремесла, ставиться въ особую экономическую зависимость отъ мастеровъ капиталистовъ воровскаго ремесла, которые давая такимъ рабочимъ ничтожное вознагражденіе гораздо меньшее чѣмъ то, которое получаютъ честные работники, посылаютъ ихъ совершать кражи, весьма часто указывая и лицъ, которыхъ можно обокрасть; все похищенное, часто представляющее имущество на большія суммы, переходитъ въ руки мастеровъ, которые и продаютъ похищенное въ свою

пользу; ремесло оказывается выгоднымъ для мастеровъ, для рабочихъ же оно недостаточное и для скуднаго пропитанія, какъ показываютъ обыски у подсобныхъ воровъ. Такова жизнь. Какъ же относится современное законодательство, напр., нынѣ дѣйствующее уложеніе къ этимъ явленіямъ жизни? Оно караетъ самыми суровыми мѣрами несчастныхъ рабочихъ воровскаго ремесла подъ видомъ физическихъ виновниковъ и ограничивается весьма слабымъ наказаніемъ относительно мастеровъ, какъ „укрывателей“ преступленія. Мы можемъ возразить, что въ своемъ примѣрѣ я въ сущности предусматриваю шайку, но это далеко не такъ, никакого общества нѣтъ, есть отдѣльные „хозяева“ какъ и въ нормальной, частной жизни, и у этихъ хозяевъ можно получить „работу“ и получаютъ ее такъ же поштучно, какъ и въ обыкновенной жизни. А въ концѣ концовъ несомнѣнно, что воровство выработалось въ ремесло, и надо прежде всего прекратить, или по крайней мѣрѣ затруднить исполненіе контингента рабочихъ, не лишая преступниковъ случайныхъ, начинающихъ заключеніемъ ихъ въ тюрьму возможности находить честный заработокъ и не вынуждать ихъ искать у мастеровъ воровскаго ремесла работы, какъ единственной имъ, при такихъ условіяхъ, доступной. Вотъ тутъ-то и окажется несоцѣненныя услуги институтъ условнаго осужденія; лучшаго средства нѣтъ, ибо патронатство, несмотря на симпатичность основной мысли, на дѣлѣ оказывается бессильнымъ, клеймо тюрьмы слишкомъ отталкиваетъ и обществамъ патронатства, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, удается реклассировать сравнительно ничтожную часть отбывшихъ въ тюрьмѣ наказаніе.

Значеніе выгодъ, получаемыхъ при примѣненіи института условнаго осужденія, станетъ еще яснѣе, если принять во вниманіе, что собственно вреда отъ примѣненія его быть не можетъ; если условное осужденіе примѣнено къ лицу этого недостойному, то вѣдь такое лицо, въ свое время при совершеніи новаго преступленія, не избѣжитъ наказанія и за первое преступленіе, слѣдовательно, правосудіе будетъ во всякомъ случаѣ удовлетворено, а при такихъ условіяхъ всякое удачное

примѣненіе института является уже безспорной и прямой выгодой, прямой побѣдой въ борьбѣ съ преступностью и рецидивомъ.

Но можетъ быть удачное примѣненіе института особо трудно, требуетъ отъ судьи какихъ-либо особыхъ познаній, способностей. Если видѣть въ условномъ осужденіи помилованіе, то тогда несомнѣнно придется признать, что судья вѣряется чрезвычайная власть, которой далеко не всякій судья достоинъ. Но, какъ справедливо замѣтилъ на Петербургскомъ тюремномъ конгрессѣ Принсъ (Actes, vol. 1, p. 163), то же самое можно сказать и о многихъ другихъ законахъ; на такомъ взглядѣ можно настаивать и по поводу голландскаго закона, который даетъ судьямъ просторъ въ назначеніи тюремнаго заключенія на срокъ отъ 1 дня до 24 лѣтъ, по поводу бельгійскаго закона, назначающаго наказаніе за простую кражу отъ трехъ мѣсяцевъ до 5 лѣтъ и болѣе. Утверждать что-либо подобное—то же самое, что заявлять, что судья не знаетъ или не исполняетъ своихъ прямыхъ судейскихъ обязанностей.

Въ самомъ дѣлѣ, часто обязанности судьи, по примѣненію условнаго осужденія, сложнѣе другихъ его обязанностей; развѣ не то же ли самое ему нужно при этомъ продѣлать, какъ и при осужденіи и оправданіи обвиняемаго. Вѣдь это въ теоріи говорится, что судьей разрѣшается только вопросъ о доказанности и наказуемости вмѣняемаго дѣянія; въ дѣйствительности всякій самыхъ заурядныхъ способностей и старательности судья останавливается въ силу вещей на личности подсудимаго, на его прошлой жизни и прецедентахъ, такъ какъ выясненіе личности служитъ однимъ изъ главныхъ средствъ раскрытія истины и разрѣшенія вопроса о виновности. Но развѣ для примѣненія условнаго осужденія нужны еще какія-либо другія данныя и соображенія, кромѣ выясненія личности обвиняемаго и его прецедентовъ?

Примѣненіе условнаго осужденія можетъ быть приравнено по трудности подлежащихъ разрѣшенію вопросовъ дачѣ снисхожденія и соотвѣтственному уменьшенію наказанія; и здѣсь, и тамъ приходится останавливаться на личности подсудимаго

и особенностяхъ его характера. Напрасно думать, что судья можетъ проникнуть въ душу судимаго лица и рѣшить вопросъ, выйдетъ ли изъ него преступникъ по ремеслу, или оно ограничится только даннымъ преступленьемъ; это область предсказаній, а судья судитъ на основаніи фактовъ, и потому, разъ судья точно извѣстно, что подсудимый прежде не судился (преступленія, къ которымъ примѣнимо условное осужденіе, могутъ быть въ законѣ перечислены, съ исключеніемъ нарушеній закона, указывающихъ на занятіе преступленіемъ какъ промысломъ), что у него было постоянное занятіе и обезпечена возможность полученія таковаго и въ настоящее время, что отзывы о немъ хозяевъ его, потерпѣвшаго или свидѣтелей, не характеризуютъ его какъ преступника по ремеслу, онъ не поступитъ особенно смѣло, если примѣнить условное осужденіе. Я долженъ пояснить: свидѣтели очень ясно отвѣчаютъ на вопросъ, касающійся характеристики подсудимаго, они говорятъ: „нѣтъ, кромѣ этого раза ничего слышно не было, все-таки живетъ поблизости“; эти слова: „не слышно было“ многозначительнѣе всякихъ справокъ о судимости, всякаго заключенія эксперта.

Такъ просто смотрятъ на примѣненіе института условнаго осужденія и европейскія законодательства; мы знаемъ что въ Массачузетсѣ долгое время рѣшающій голосъ принадлежалъ начальнику полиціи (теперь особымъ чиновникамъ, поставленнымъ въ зависимость отъ суда, по имѣющимъ права чиновъ полиціи); въ Бельгіи, а равно въ Люксембургѣ, примѣненіе института ввѣрено и судамъ простой полиціи. И никакого волненія примѣненіе института не вызываетъ, не слышно ни нареканій, ни опасеній; послѣдніи раздавались только до введенія.

Въ этомъ отношеніи интересно остановиться на женеvскомъ кантонѣ, находящемся въ особыхъ условіяхъ. Какъ замѣчаетъ Эрнестъ Пико въ статьѣ о примѣненіи условнаго осужденія въ этомъ кантонѣ (*Revue pénale suisse*, 1896 1—2 Heft.), женеvскій законъ объ условномъ осужденіи (29 oct. 1892) не опредѣляетъ точно своего требованія о domicile réel отъ лица, подлежащаго условному осужденію, поэтому зачастую при-

мѣщеніемъ пользуются подданные другихъ государствъ, которые, благодаря малому пространству, занимаемому кантономъ, легко уходятъ за-границу, а тѣмъ не менѣе примѣненіе института не только не вызвало волненія среди кантональнаго населенія, а наоборотъ съ каждымъ днемъ институтъ становится все популярнѣе, присяжные съ удовольствіемъ примѣняютъ условное осужденіе въ тѣхъ случаяхъ, когда они желаютъ наказать подсудимаго скорѣе морально, чѣмъ матеріально и хотятъ избавить его отъ пребыванія въ тюрьмѣ.

Приведенныя выше данныя и соображенія даютъ мнѣ, казалось бы, право заключить, что условное осужденіе, являясь однимъ изъ лучшихъ средствъ борьбы съ преступностью, не требуетъ для своего примѣненія какихъ-либо особыхъ условій. Если принять въ соображеніе всѣ выгодныя стороны этого института, то вполне естественно остановиться на мысли о полезности введенія его въ Россіи. Но можетъ быть въ Россіи нѣтъ тѣхъ основаній и причинъ, которыя вызвали описанное нами выше движеніе въ европейскихъ государствахъ и оправдывали появленіе этого института? Быть можетъ у насъ рецидивъ мало развитъ и не усиливается, къ особо краткосрочному лишенію свободы мы не прибѣгаемъ и не предполагаемъ прибѣгать, а тюрьмы наши лучше поставлены, чѣмъ въ Западной Европѣ? Предположенія эти невѣрны; наоборотъ, всѣ тѣ причины, которыя обусловили введеніе условнаго осужденія въ Западной Европѣ, существуютъ и у насъ и нѣкоторыя даже въ болѣе сильной степени.

Къ сожалѣнію вполне точныхъ статистическихъ цифръ я представить не могу. Прежде всего мы собираемся только выяснитъ дѣйствительные размѣры населенія русскаго государства, а съ тѣмъ вмѣстѣ, можетъ быть, возможно будетъ установить, хотя приблизительно, и процентъ ежегоднаго увеличенія населенія; безъ этихъ свѣдѣній нельзя судить о томъ, растетъ ли преступность быстрѣе чѣмъ населеніе, или параллельно, или даже менѣе быстро. Затѣмъ, нельзя не имѣть въ виду пробѣлы нашей статистики уголовной; она разрабатывается только относительно части Европейской Россіи, не касаясь ни Кавказа, ни Царства Польскаго, ни сѣверныхъ

Жур. Мин. Юст. Сентября 1897.

губерній; затѣмъ указываемыя ею цифры рецидива и неточны, по признанію самого статистическаго отдѣленія, и неполны, ибо фактически въ части статистики общихъ судебныхъ мѣстъ касаются только тѣхъ преступленій, которыя вносятся въ справки о судимости, что же касается до мировой юстиціи, то статистика имѣетъ свѣдѣнія только о числѣ лицъ, при-
сужденныхъ къ тюремному заключенію, и общаго числа осужденныхъ не знаетъ; мнѣ удалось частнымъ образомъ получить изъ статистическаго отдѣленія свѣдѣнія о всѣхъ осужденныхъ мировыми судьями, но лишь за 1895 г.

Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій я долженъ сказать, что число осужденныхъ общими судебными мѣстами (окружными судами и судебными палатами) колеблется сравнительно мало: въ 1888 г. оно составляло 39.000 чел., въ 1889 г.—37.259 чел., въ 1890 г.—38.801 чел., въ 1891 г.—39.241 чел., въ 1892 г.—39.395 чел.; наклонность къ повышенію есть, но неровная, цифры, указывающія число рецидивистовъ (крайне неточныя), не выходятъ за исключеніемъ 1891 года изъ 8.800 съ десятками. Повышается, хотя и не особенно значительно, число лицъ, присужденныхъ къ тюрьмѣ (съ ограниченіемъ и безъ ограниченія правъ), въ особенности, если не брать 1888 г., который вообще представляется, по-видимому, исключительнымъ; въ 1889 г.—10.195 присужденныхъ, въ 1890 г.—10.962, въ 1891 г.—11.280, въ 1892 г.—11.742. Если обратиться къ мировой юстиціи, то здѣсь увеличеніе примѣненія тюремнаго заключенія особенно ярко замѣтно; въ 1888 г. было присуждено къ тюрьмѣ—53.656 чел., въ 1889 г.—57.120, въ 1890 г.—71.543, въ 1891 г.—63.310, въ 1892 г.—73.015 чел., число рецидивистовъ среди присужденныхъ мировыми судебными учрежденіями къ тюремному заключенію, если не считать 1890 г., замѣтно увеличивается; въ 1888 г.—9.696, въ 1889 г.—10.191, въ 1891 г.—11.802, въ 1892 г.—12.797 (въ 1890 г. было 12.965). Вышеприведенныя данныя указываютъ во всякомъ случаѣ на несомнѣнное увеличеніе примѣненія тюремнаго заключенія вообще и въ частности въ особенности тюремнаго заключенія безъ ограниченія правъ, краткосрочнаго, назначаемаго судебно-миро-

выми учрежденіями; въ то же время ростъ рецидива, въ особенности среди присужденныхъ къ тюрьмѣ мировыми учрежденіями, также несомнѣненъ; слѣдовательно, явленіе то же самое, съ которымъ мы встрѣчаемся въ Западной Европѣ, а не надо забывать, что у насъ нѣтъ свѣдѣній вовсе о числѣ присужденныхъ къ аресту, а въ особенности о числѣ отбывавшихъ арестъ, представляющій тоже краткосрочное лишеніе свободы. Изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя у меня имѣются за 1895 г., оказывается, что почти $\frac{2}{3}$ всѣхъ осужденныхъ мировыми судебными учрежденіями было присуждено къ денежному взысканію, но, сколько изъ нихъ отбыло арестъ взаменъ денежнаго взысканія, остается неизвѣстнымъ, а между тѣмъ практически извѣстно, что большая часть не уплачиваетъ денежныхъ взысканій и отбываетъ арестъ.

Для разрѣшенія вопроса о краткосрочности назначаемыхъ лишеній свободы статистика наша не даетъ никакихъ данныхъ. Я попытался, однако, на основаніи данныхъ отчета по главному тюремному управленію за 1894 годъ, сдѣлать приближенное вычисленіе средняго срока отбыванія тюремнаго заключенія. Я рассуждалъ такимъ образомъ: среднесуточный составъ *присужденныхъ къ тюремному заключенію* показанъ въ отчетѣ въ 36.373 чел., весь же среднесуточный составъ тюремъ общаго устройства и мѣстъ заключенія Привислянскаго края—78.259 чел., слѣдовательно присужденные къ тюремному заключенію (съ ограниченіемъ и безъ ограниченія правъ) составляли $46\frac{1}{2}\%$ всего состава, а такъ какъ въ теченіе года перебивало въ этихъ тюрьмахъ 652.827 чел., то слѣдовательно присужденныхъ къ тюремному заключенію всего перебивало 303.564 чел.; если раздѣлить это число на среднесуточный составъ, то окажется, что среднесуточный составъ обновился въ теченіе года $8\frac{1}{3}$ разъ, т. е. приблизительно въ среднемъ срокъ тюремнаго заключенія опредѣлился въ 43 дня, т. е. менѣе $1\frac{1}{2}$ мѣсяца. Едва-ли могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что, даже при образцовомъ устройствѣ тюремъ, въ теченіе 43 дней нельзя исправить арестантовъ, нельзя ихъ научить какой-либо работѣ, а слѣдовательно и приспособить къ какой-нибудь работѣ.

Не надо также забывать ту переменѣну въ отношеніи свободы судей въ опредѣленіи размѣра наказанія, которая произойдетъ съ введеніемъ у насъ новаго уголовного уложенія. Положенія проекта (ст. 16, 17, 18), предоставляющія судѣѣ право назначать заточеніе на время отъ двухъ недѣль до шести лѣтъ, тюрьму на срокъ отъ двухъ недѣль до одного года и арестъ на срокъ отъ одного дня до 6 мѣсяцевъ, несомпѣнно крайне расширяютъ права судьи, а слѣдовательно и увеличатъ возможность болѣе частыхъ назначеній краткосрочныхъ лишеній свободы. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что наши судьи вполне заслуживаютъ такого довѣрія и что вообще предполагаемая мѣра представляется вполне отвѣчающей современнымъ взглядамъ на отправленіе правосудія, но фактъ возможности увеличенія числа краткосрочныхъ наказаній вѣѣ сомнѣнія.

Если краткосрочныя наказанія лишеніемъ свободы признаются въ Западной Европѣ, какъ мы видѣли выше, зломъ современной карательной системы, если тюрьмы, несмотря на возможно образцовое устройство ихъ, признаются не полезнымъ средствомъ борьбы съ преступленіемъ, а лишь неизбежнымъ зломъ, которое стремятся со всѣхъ сторонъ ограничить, то что же сказать намъ съ нашими тюрьмами, которыя не могутъ выдержать ни въ какомъ отношеніи сравненія съ западно-европейскими?

Дѣйствительно, нашимъ тюрьмамъ не достаетъ двухъ условій, составляющихъ основу всего западно-европейскаго тюремнаго режима: во-первыхъ, у насъ почти не организованы въ мѣстныхъ, т. е. губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ, арестантскія работы, а, во-вторыхъ, у насъ всѣ тюрьмы устроены по системѣ общаго, а не одиночнаго заключенія.

Первому вопросу объ арестантскомъ трудѣ въ нашихъ и европейскихъ тюрьмахъ я недавно посвятилъ отдѣльную работу (см. Жур. Мин. Юст. 1897 г., № № 2 и 3) и позволю себѣ здѣсь ограничиться только статистическимъ, такъ сказать, сравненіемъ: въ Англій и Бельгій въ мѣстныхъ тюрьмахъ работами занято около 75% (въ Бельгій 78%) всего состава арестантовъ; у насъ же въ губер-

скихъ $28\frac{1}{5}\%$, а въ уѣздныхъ $20\frac{19}{20}\%$; казалось бы, сравненія этого достаточно, оно многое говоритъ, въ особенности, если вспомнить, что весь внутренній пенитенциарный строй европейскихъ тюремъ, т. е. иначе всё взысканія и всё поощренія арестантовъ приурочены и спованы на организаціи тюремныхъ работъ.

Несомнѣнно, что хотя на пути организаціи арестантскихъ работъ въ нашихъ тюрьмахъ и возникали до сихъ поръ затрудненія, но ихъ въ значительной степени можно устранить и организовать работы, которыя займутъ большую часть арестантовъ; для заведенія ихъ, разумѣется, потребуются извѣстное время и довольно продолжительное; но все же это вопросъ не столь сложный, какъ второй: о переходѣ отъ системы общаго заключенія къ системѣ одиночнаго; цифры и здѣсь представляютъ намъ яснѣе всякихъ объясненій положеніе дѣла. Въ мѣстахъ заключенія Россіи за послѣдніе годы среднесуточно содержалось не менѣе 100.000 человекъ, а одиночныхъ камеръ числилось въ 1895 году всего 5.448, постройка каждой одиночной камеры обходится намъ дорого, приблизительно отъ 1500 до 2000 руб., а на новыя тюремныя постройки ассигнуется ежегодно 500 тысячъ рублей, т. е. 100.000 камеръ можетъ быть отстроено приблизительно черезъ 400 лѣтъ. При несомнѣнной бѣдности Россіи сравнительно съ европейскими государствами, можемъ ли мы мечтать объ устройствѣ особыхъ интернатовъ для рецидивистовъ и другихъ особыхъ видовъ мѣстъ заключенія, когда у насъ нѣтъ домовъ для страдающихъ буйнымъ помѣшательствомъ, для людей, совершившихъ въ этомъ состояніи тяжкія преступленія.

Если кромѣ того имѣть въ виду, что, благодаря громадности нашей территоріи и разстояніямъ между городами, приходится содержать чрезвычайно большое число тюремъ, на сокращеніе числа которыхъ, въ виду этихъ условій, а равно и дурныхъ путей сообщенія, рассчитывать нельзя, то станетъ совершенно ясно, что съ нынѣшнимъ состояніемъ тюремъ придется еще долго мириться.

Но если въ тюрьмахъ нѣтъ одиночнаго заключенія и нѣтъ

заведенныхъ работъ, если такимъ образомъ въ однѣ и тѣ же камеры заключаются и опытные рецидивисты, и случайные преступники, если единственнымъ способомъ заполнения свободнаго времени для заключенныхъ является „обмѣнъ мыслей“, т. е., иначе говоря, обученіе преступному ремеслу опытными неопытныхъ, если при такомъ положеніи нѣтъ и дѣйствительной тюремной дисциплины, которая въ западно-европейскихъ тюрьмахъ основывается, главнымъ образомъ, на организаціи арестантскаго труда, то спрашивается, способствуютъ ли наши тюрьмы ослабленію, или же, наоборотъ, усиленію преступности въ странѣ, можно ли разсчитывать бороться съ преступностью въ Россіи путемъ тюремъ, или же надо принять всѣ мѣры для возможнаго ограниченія примѣненія этого „неизбѣжнаго“ зла? Могутъ ли наши тюрьмы при такомъ же состояніи, очевидно всѣмъ извѣстномъ, пользоваться хорошей репутаціей среди русскаго общества и не накладывается ли тюремнымъ сидѣніемъ такое неизгладимое пятно, которое совершенно исключаетъ возможность послѣдующаго честнаго заработка и принятія обратно въ члены нормальнаго общества; у насъ почти нѣтъ обществъ патронатства, но я глубоко убѣжденъ, что если бы они были, то дѣятельность ихъ совершенно парализовалась бы состояніемъ нашихъ тюремъ ¹⁾.

Послѣ всего сказаннаго я думаю, едва-ли я встрѣчу особыя возраженія, если скажу, что разумѣется необходимо удалить изъ нашихъ школъ преступности хоть начинающихъ, случайныхъ преступниковъ и что, слѣдовательно, желательно даже болѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ, ввести у насъ институтъ условнаго осужденія, тѣмъ болѣе, что введеніе этого института не только не потребуетъ особыхъ затратъ, но дастъ еще возможность сдѣлать большія сбереженія.

При такихъ условіяхъ, мнѣ кажется, что должны существовать какія-либо особыя непреодолимая препятствія для того,

¹⁾ Я не говорю о нашихъ арестныхъ домахъ, они помѣщаются болѣею частью въ наемныхъ помѣщеніяхъ, вовсе не устроенъ по типу мѣстъ заключенія и являются скорѣе плохими гостиницами для простаго народа.

чтобы возможно было отказаться отъ введенія института условнаго осужденія. Едва-ли такимъ препятствіемъ можетъ служить трудность примѣненія института условнаго осужденія или несоотвѣтствіе этой задачѣ нашей судебной организаціи.

Выше я изложилъ соображенія въ подтвержденіе того, что примѣненіе условнаго осужденія вовсе не можетъ представлять особыхъ затрудненій, что судья вовсе не дается какихъ-либо особыхъ правъ выше и больше обыкновенныхъ судейскихъ и что поэтому нѣтъ основаній бояться судейскаго произвола. Близо зная нашу судебную организацію и нашъ судебный персоналъ, я не сомнѣваюсь въ полной возможности порученія ему примѣненія института условнаго осужденія.

Наши великолѣпные Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., какъ извѣстно, не остались архитектурнымъ планомъ, проектомъ; наоборотъ, они вошли въ русскую жизнь, матеріализовались, если можно такъ выразиться, нашли достойныхъ исполнителей; на почвѣ Судебныхъ Уставовъ воспитались и выработались настоящіе судебные дѣятели, создались типы судебныхъ дѣятелей, не уступающіе лучшимъ такимъ же типамъ у другихъ народовъ.

Мало того, выработались и были усвоены и обществомъ во всѣхъ его слояхъ извѣстные прочные взгляды на правосудіе, исключаютъ всякую мысль о пристрастіи и произволѣ, установилось извѣстное судебное *правописаніе*, котораго всякій, соприкасающійся съ судебнымъ дѣломъ, являлся вынужденнымъ держаться, подѣ опасеніемъ прослыть неграмотнымъ.

Какъ извѣстно, однако, съ изданіемъ Положенія 12 іюля 1889 г. судебная власть была ввѣрена и новымъ органамъ, располагающимъ одновременно и административной властью, при чемъ такое смѣшеніе въ одномъ лицѣ власти административной и судебной повело къ недоразумѣніямъ и вызывасть нареканія. Если остановиться внимательнѣе на этихъ нареканіяхъ, то окажется, что земскихъ начальниковъ, главнымъ образомъ, упрекають въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ, ненамѣренно, а многіе можетъ быть и умышенно, не проводятъ должнаго различія между властью административной и судебной и тѣ дѣла, которыя слѣдовало бы разрѣшить въ порядкѣ *судебномъ*, разрѣшаютъ въ по-

рядкѣ административномъ. Гораздо меньше указаній на то, чтобы земскіе начальники, разбирая дѣла въ чисто судебномъ порядкѣ, допускали „явныя нарушенія закона“, въ этой области имъ пришлось усвоить себѣ судебное правописаніе, ихъ протоколы показаній и ихъ приговоры часто представляютъ просто повтореніе прежнихъ протоколовъ и приговоровъ мировыхъ судей, отъ которыхъ они получили большею частью и письменоводителей; не надо также забывать, что по судебнымъ дѣламъ установленъ точно порядокъ обжалованія и надъ земскимъ начальникомъ учреждены инстанціи, въ которыхъ судебному вѣдомству дано солидное представительство. На болѣе законное направленіе дѣятельности земскихъ начальниковъ по дѣламъ чисто судебнымъ указываетъ, по моему, и сравнительно небольшое число ходатайствъ предъ Министромъ Юстиціи о направленіи дѣлъ въ порядкѣ примѣчанія къ ст. 130 Пол. зем. нач. Я привожу эти соображенія съ цѣлью указать, что особыя свойства института земскихъ начальниковъ едва ли должны быть признаны препятствіемъ въ дѣлѣ примѣненія у насъ условнаго осужденія. По моему мнѣнію однако безусловно необходимо, при разрѣшеніи вопроса о возможности ввѣрить земскимъ начальникамъ примѣненіе института условнаго осужденія (если бы мы остановились на бельгійскомъ образцѣ), имѣть въ виду, что этотъ институтъ носитъ чисто судебный характеръ, и въ порядкѣ административномъ его примѣнять нельзя; судья слѣдуетъ прежде постановить приговоръ, а слѣдовательно прибѣгнуть и къ судебному правописанію и затѣмъ уже особымъ мотивированнымъ постановленіемъ, подлежащимъ обжалованію въ кассационномъ порядкѣ, отсрочить примѣненіе наказанія, а при такихъ условіяхъ можно было бы опасаться развѣ лишь того, что земскіе начальники будутъ избѣгать примѣненія этого института. Наконецъ, можно было бы потребовать особыхъ гарантій, особой мотивировки, представленія въ извѣстныхъ случаяхъ на утвержденіе уѣздныхъ сѣздовъ, которые въ случаѣ надобности могутъ вызвать обвиняемаго и провѣрить лично передопросомъ соображенія земскаго начальника.

Но если бы даже было признано невозможнымъ поручить

земскимъ начальникамъ примѣненіе института условнаго осужденія, то можетъ ли такое разрѣшеніе этого вопроса опредѣлить судьбу этого института въ Россіи? Нельзя забывать о цѣломъ рядѣ другихъ органовъ судебной власти, не исключая, разумѣется, ни уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ, ни городскихъ судей, относительно годности которыхъ для примѣненія института условнаго осужденія не можетъ возникать никакихъ сомнѣній.

Къ тому же, не вся территория Россійской Имперіи въѣрепа власти земскихъ начальниковъ, такъ что если, введя институтъ условнаго осужденія въ наше уголовное уложеніе, законодатель пожелать бы предварительно испытать, какіе результаты дастъ примѣненіе этого института въ Россіи, то возможно было бы ввести въ дѣйствіе этотъ институтъ лишь въ мѣстностяхъ, гдѣ сохранились прежніе выборные мировые судьи, или гдѣ введенъ институтъ мировыхъ судей по назначенію; въ годности мирового института для этихъ цѣлей едва-ли можетъ быть сомнѣніе, да оно, какъ кажется, и не возбуждалось, а поле для испытанія было бы обширное: сюда вошли бы и наши столицы и нѣкоторые умственные центры, такіа окраины какъ вполнѣ русскій малороссійскій юго-западный край.

Указываютъ и еще на одно препятствіе въ дѣлѣ введенія у насъ института условнаго осужденія, препятствіе, коренящееся въ сравнительно гораздо большемъ, чѣмъ въ Западной Европѣ, и притомъ постоянномъ передвиженіи нашего населенія съ мѣста на мѣсто; благодаря этому передвиженію, невозможно было бы организовать ни правильнаго надзора за условно осужденными, ни точнаго установленія тождества личности, прежде судившейся.

Основываясь на изслѣдованіяхъ В. И. Чаславскаго (Земледѣльческіе отхожіе промыслы въ связи съ переселеніемъ крестьянъ, Сборн. Госуд. знан. 1875 г. т. II), Ю. Янсона (Сравнит. статкст. Россіи и Западно-европейск. госуд. т. I стр. 351 и сл.), ст. О. Г. Тернера (Переселенческое дѣло, Вѣстн. Европы 1897 г. Мартъ), я позволю себѣ замѣтить, что хотя дѣйствительно у насъ кромѣ чисто переселенческаго движенія

и прилива населенія изъ сель къ городамъ (главнымъ образомъ къ столицамъ)—явленій, существующихъ въ Западной Европѣ въ бдльшемъ размѣрѣ чѣмъ у насъ—существуетъ еще движеніе на отхожіе промыслы, но собственно движеніе на отхожіе промыслы неземледѣльческое можетъ быть почти отождествлено съ приливомъ къ столицамъ и городамъ. Что же касается до движенія на промыслы чисто земледѣльческіе, то оно, возникая въ губерніяхъ черноземныхъ (Полтавской и др.), направляется въ Таврическую, Херсонскую, Саратовскую губ., Донскую область; иди всегда съ запада на востокъ, въ опредѣленномъ порядкѣ, движеніе это продолжается сравнительно очень недолго, самое большее съ весны до осени, а главнымъ образомъ на время жатвы; послѣ окончанія работъ все возвращается на прежнія мѣста.

Но помимо совершенной опредѣленности направленія и даже, позволю себѣ сказать, регулярности, необходимо имѣть въ виду, при оцѣнкѣ значенія всѣхъ передвиженій населенія, совершающихся въ Россіи, тѣ узы общественныя, которыя и въ настоящее время прочно связываютъ нашъ народъ; земля, какъ бы ся мало ни было, привязываетъ къ себѣ крестьянина, и порывать съ ней связь не такъ легко; паспортная система, хотя и облегченная, все же сильно регулируетъ передвиженіе.

Наконецъ, мы не знаемъ того громаднаго безземельнаго пролетаріата, который наполняетъ Европу и который предается бродяжничанью, которое все усиливается и составляетъ, по словамъ Дрейфуса и др. въ ихъ работахъ, представленныхъ Парижскому тюремному конгрессу, колоссальное зло. Не надо также забывать о ничтожныхъ сравнительно съ Россіей размѣрахъ территорій европейскихъ государствъ и сравнительно чрезвычайной близости границъ, легкость перехода которыхъ несомнѣнно весьма затрудняетъ всякое судебное преслѣдованіе.

Таеимъ образомъ передвиженія русскаго народа едва ли могутъ служить препятствіемъ для примѣненія у насъ условнаго осужденія.

Я не сомнѣваюсь, что введеніе института условнаго осужденія встрѣчено было бы сочувственно среди русскихъ юристовъ

и среди всѣхъ классовъ нашего общества, питающаго твердое и неизмѣнное недовѣріе къ нашимъ тюрьмамъ.

Наши юристы давно оставили уже (за немногими исключеніями покойныхъ Неклюдова и Тальберга) теорію возмездія и потому къ условному осужденію принципиально относятся сочувственно.

Такъ, Н. С. Таганцевъ высказалъ въ своихъ соображеніяхъ С.Петербургскому тюремному конгрессу слѣдующее (я цитирую по Лекціямъ, вып. IV, стр. 1839): „Если цѣлесообразность карательной дѣятельности государства представляется исполнѣ законнымъ ея элементомъ, то условное осужденіе является необходимою ступеню въ прогрессивномъ развитіи уголовного законодательства, естественнымъ продуктомъ взаимодействія двухъ институтовъ, признанныхъ уже не только защитниками теорій полезности, но и большинствомъ законодательствъ, а именно: права судовъ смягчать назначенныя закономъ наказанія въ виду индивидуальныхъ особенностей преступника и досрочнаго освобожденія заключенныхъ“.

Правда, въ тѣхъ же лекціяхъ, Н. С. Таганцевъ высказалъ, что въ Россіи, по мѣстнымъ условіямъ, онъ считаетъ возможнымъ введеніе условнаго осужденія лишь въ формѣ испрошенія Высочайшаго соизволенія въ порядкѣ 775 Уст. угол. суд., но этотъ взглядъ высказанъ былъ уважаемымъ ученымъ въ 1892 г.; съ тѣхъ поръ онъ не касался вопроса объ условномъ осужденіи, а между тѣмъ 5 лѣтъ, для института, жизнь котораго въ Европѣ продолжается всего 10 лѣтъ, длинный срокъ; за это время выяснилось много данныхъ и фактовъ, благопріятныхъ для института.

Представителемъ юридическаго общества по вопросу объ условномъ осужденіи на Петербургскомъ и Парижскомъ тюремныхъ конгрессахъ являлся В. К. Случевскій. На Петербургскомъ конгрессѣ онъ высказался въ пользу этого института, заявивъ, что возраженія принципиальныя противъ этого института невѣрны: преступники не могутъ вовсе рассчитывать заранѣе на безнаказанность, примѣненіе условнаго осужденія не обязательно для судьи, а поставлено въ зависимость отъ его усмотрѣнія; условное осужденіе имѣетъ,

по мнѣнію В. К. Случевского, несомнѣнный репрессивный характеръ, создавая могущественный мотивъ для осужденнаго воздержаться отъ впаденія въ новое преступленіе; осужденный, оставленный на свободѣ, сохраняетъ возможность заработать и вознагражденіе потерпѣвшему, и хлѣбъ семьѣ, которая разорвется при заключеніи преступника въ тюрьму; расходы государствъ на борьбу съ преступленіемъ уменьшаются. Примѣненіе этого института можно рекомендовать въ странахъ „ou le régime judiciaire offre des garanties suffisantes de fonctionnement régulier de la justice criminelle“ (р. 540).

Приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ высказался В. К. Случевскій въ работѣ, представленной отъ имени юридическаго общества Парижскому конгрессу, при чемъ, останавливаясь на отдѣльныхъ условіяхъ осуществленія этой мѣры, призналъ, что истребованіе залога и учрежденіе полицейскаго надзора не являются необходимыми условіями осуществленія института.

Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что наша судебная организація offre des garanties suffisantes de fonctionnement régulier и ея представители заслужили то громадное довѣріе, которымъ они пользуются въ обществѣ и народѣ. Я положительно отказываюсь понимать, почему бы наши мировые судьи заслуживали меньше довѣрія, чѣмъ полицейскіе судьи Бельгіи и Люксембурга и полицейскіе агенты Массачузетса; я не сомнѣваюсь, что нашъ судебный персоналъ по высокимъ нравственнымъ качествамъ, развитію и познаніямъ не уступаетъ западно-европейскимъ.

Въ силу существующаго въ обществѣ къ судебному вѣдомству довѣрія я не сомнѣваюсь, что и примѣненіе института условнаго осужденія не вызоветъ въ русскомъ народѣ никакихъ сомнѣній, опасеній произвола, или соображеній о томъ, что преступленія оставляются безнаказанными. Уваженіе къ власти, въ томъ числѣ и судебной разумѣется, довѣріе ко всѣмъ ея дѣйствіямъ и почтеніе передъ ея впушеніями у насъ весьма сильно развито. Я позволю себѣ сказать больше: я утверждаю, что фактически институтъ условнаго осужденія примѣняется у насъ и въ настоящее

время присяжными заседателями, къ которымъ все русское общество относится съ громаднымъ довѣріемъ. Въ моемъ присутствіи, какъ лица прокурорскаго надзора, такое примѣненіе происходило неоднократно. Поступаютъ при этомъ присяжные заседатели такъ. Когда они видятъ передъ собой юнца, молодаго парня, впервые совершившаго кражу, то они, какъ и всегда, стараются выяснитъ его характеристику, разспрашиваютъ о немъ его самого, односельчанъ, урядника, а главное его хозяина (совершающіе кражи большею частью батраки) и, если выясняется, что до совершенія кражи обвиняемый велъ себя хорошо— „ничего слышно не было“, что послѣ совершенія кражи и несмотря на это его оставилъ тотъ же хозяинъ на службѣ, или же онъ нашель службу у другаго хозяина, а за тѣ 6 мѣсяцевъ, которые протекли до суда, подсудимый велъ себя хорошо, что отзывы о немъ вообще благопріятны, что такимъ образомъ онъ не оторвался отъ нормальнаго строя общества, то присяжные объявляютъ „нѣтъ, не виновенъ“ и затѣмъ тутъ же, не расходясь, въ присутствіи суда, только что объявившаго подсудимаго отъ суда свободнымъ, дѣлаютъ ему наставленіе въ самыхъ грозныхъ и горячихъ выраженіяхъ, заявляя ему совершенно откровенно, что если онъ попадется еще разъ, то они не такъ съ нимъ расправятся. Это наставленіе въ формѣ угрозы со стороны лицъ, уважаемыхъ въ мѣстности, производитъ колоссальное впечатлѣніе; подсудимый, благодарный за освобожденіе отъ отвѣтственности, проникается такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ благоговѣнія, что бросается нерѣдко на колѣни и со слезами на глазахъ обѣщается вести себя хорошо. Продолжая начатое, присяжные обращаются къ присутствующему прокурору и говорятъ ему: „вы извините, г. прокуроръ, но если подсудимый попадетъ въ вашу тюрьму, то изъ него выйдетъ воръ по ремеслу“, и прокурору остается только молчаливо соглашаться, сознавая, что присяжные правы. Мнѣ приходилось не разъ быть этимъ прокуроромъ, и я позволяю себѣ свидѣтельствовать, что болѣе сильное, отрадное, возвышающее душу, впечатлѣніе я рѣдко испытывалъ и сознавалъ, что выше понимать задачи правосудія и лучше отправлять его нельзя; вотъ

почему я глубоко убѣжденъ въ желательности и возможности введенія у насъ въ Россіи института условнаго осужденія.

Останавливаясь теперь на основаніяхъ, па которыхъ институтъ условнаго осужденія могъ бы быть введенъ въ Россіи, я ограничусь только нѣсколькими общими положеніями, всякія болѣе подробныя регламентирования давали бы только лишнее основаніе для критики и выводили бы насъ изъ нашей научно-практической принципиальной задачи.

Изъ существующихъ системъ условнаго осужденія—массачузетско-австралійской, англійской и бельгійской (французская представляетъ разновидность бельгійской)—я думаю, что слѣдовало бы остановиться на послѣдней. Что касается до германской системы административнаго испрошенія помилованія, то такая, во-первыхъ, находится, какъ я уже выше говорилъ, въ противорѣчій съ основными принципами условнаго осужденія, а затѣмъ несоотвѣтствіе ея этому принципу признано торжественной манифестаціей германскаго рейхстага, такъ что дни ея сочтены.

Двѣ другія системы, американская и англійская, не примѣнимы у насъ потому же, почему онѣ не примѣнимы въ другихъ континентальныхъ европейскихъ государствахъ; у насъ нѣтъ той полиціи, которая необходима для осуществленія массачузетской системы, у насъ не было бы средствъ при нашихъ разстояніяхъ, разбросанности населенія, содержать артель чиновниковъ для надзора за условно-осужденными, того бдительнаго надзора, который ставитъ въ вину условно-осужденному не только вновь совершенное имъ преступное дѣяніе, но и просто дурное поведеніе. У насъ неосуществима и англійская система поручительства: послѣдняя возникла въ Англии и не для условнаго осужденія, это старинный англійскій институтъ, существовавшій еще въ 14 столѣтіи, къ нему прибѣгали прежде въ качествѣ мѣры предупредительной, относительно лицъ that be not of good fame; на основаніи Criminal law consolidation act (24 и 25 Vict. c. 96—100) истребованіе поручительства стало присоединяться къ наказанію за извѣстное преступленіе взамѣнъ полицейскаго надзора, по отбытіи наказанія; въ 1863 году, напр., число случаевъ истребо-

ванія поручительства дошло до 11077; возможность осуществленія этой мѣры объясняется не только сравнительно съ другими государствами большею зажиточностью населенія, но и авторитетомъ и популярностью мировыхъ судей, которые помогаютъ подсудимымъ находить поручителей.

Ни та, ни другая система не нашли себѣ примѣненія въ бельгійскомъ и французскомъ законахъ, которые за то угрожаютъ условно-осужденному не только судомъ, но определеннымъ наказаніемъ; никакого волненія эти системы въ мѣстномъ населеніи не вызываютъ, и законодатель и не предполагаетъ никакой опасности; законы объ условномъ осужденіи поразительно кратки (не больше одной статьи въ уголовномъ уложеніи) и въ общихъ чертахъ опредѣляютъ порядокъ осуществленія этой мѣры.

Если бы тѣмъ не менѣе возникли какія-либо опасенія и высказано было бы желаніе большихъ гарантій, то я думаю, что можно было бы предложить для лицъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію, установить надзоръ ихъ обществомъ на первый годъ испытанія, какъ самый опасный въ смыслѣ возможности впаденія въ новое преступленіе. Я не думаю, чтобы такое установленіе надзора шло въ разрѣзъ съ предположеніями редакціонной комиссіи по составленію уголовного уложенія; послѣдняя имѣла въ виду главнымъ образомъ тѣ злоупотребленія правомъ удаленія и неприема обратно, которыя устранить довольно трудно; самое предоставленіе обществамъ подобной дискреціонной власти, налагать одно изъ самыхъ тяжелыхъ въ существующей у насъ лѣстницѣ наказаній, представляется, разумѣется, совершенно несогласнымъ съ современными принципами уголовного права и процесса. Другое однако дѣло, не предоставляя этимъ обществамъ дискреціонной власти, возложить на нихъ обязанность надзора; его они могутъ осуществлять особенно хорошо, отъ ихъ наблюденія ничего не скроется; въ случаѣ если бы ими замѣчено было какое-либо преступленіе или проступокъ, они сообщали бы объ этомъ тому мировому судѣ, который постановилъ приговоръ.

Въ большихъ городахъ надзоръ обществомъ взяли бы на себя,

я думаю, существующія уже въ этихъ городахъ при нѣкоторыхъ тюрьмахъ общества патронатства; думается мнѣ даже, что при наличности въ обществѣ въ настоящее время большой наклонности образовывать общества патронатства, такъ-выя легко могли бы быть вызваны къ жизни ¹⁾. Въ случаѣ присужденія къ наказаніямъ ниже тюрьмы, я не вижу основанийъ къ принятію какихъ-либо мѣръ надзора.

Несомнѣнно представить извѣстныя затрудненія организація особыхъ справокъ о судимости объ условно-осужденныхъ; справки эти, очевидно, должны будутъ печататься особо, разсылаться черезъ каждыя, положимъ, полгода; несомнѣнно, что это повлечетъ за собой извѣстные расходы, но не надо забывать, что, благодаря условному осужденію, контингентъ содержащихся въ тюрьмахъ въ извѣстной мѣрѣ и при томъ довольно замѣтной сократится, а слѣдовательно сократятся и расходы на содержаніе арестантовъ, и получится большая экономія.

Быть можетъ, представится необходимымъ собирать особыя мѣстныя справки о судимости по округу палатъ, направлять ихъ въ мѣста, куда переходитъ населеніе на лѣто на земледѣльческіе отхожіе промыслы; сконцентрированіе всѣхъ этихъ свѣдѣній въ столицахъ тоже вполне понятно.

Если остановиться, далѣе, на вопросѣ, какія наказанія слѣдовало бы разрѣшать отсрочивать, то тутъ, я думаю, можно предложить остановиться на тюрьмѣ (можетъ быть заточеніи), арестѣ и денежныхъ пеняхъ, опредѣливъ однако извѣстный размѣръ тюрьмы (и заточенія), при которыхъ условное осужденіе допустимо.

Но въ видахъ устраненія опасеній въ произволѣ со стороны судей, я полагаю бы не ограничиться этимъ и дать точный перечень преступленій и проступковъ (при нарушеніяхъ вездѣ), при которыхъ не допускается примѣненіе этого института. Могутъ быть такія преступленія, къ виновникамъ которыхъ нашъ народъ относится съ особымъ негодованіемъ;

¹⁾ Тамъ болѣе, что задача ихъ являлась бы гораздо менѣе безнадежной задачей нѣмъ существующихъ патронатствъ при современномъ состояніи тюремъ.

съ такими взглядами въ цѣляхъ практическихъ придется считаться (я думаю, мнѣ нечего и упоминать о кражахъ лошадей). Долженъ здѣсь замѣтить, что западно-европейскія законодательства допускаютъ примѣненіе условнаго осужденія и при „преступленіяхъ“, лишь бы въ порядкѣ смягченія наказанія судъ дошелъ до наказанія, дающаго по размѣрамъ возможность примѣненія условнаго осужденія.

Предусматриваемое въ ст. 25 проекта уложенія временное лишеніе правъ, сопровождающее тюремное заключеніе, едва-ли возможно будетъ подводить подъ дѣйствіе условнаго осужденія. На вопросъ о томъ, какимъ судамъ предоставить право примѣненія условнаго осужденія, я позволю себѣ отвѣтить: всѣмъ, разрѣшающимъ дѣло по существу и приходящимъ слѣдовательно въ непосредственное соприкосновеніе съ подсудимымъ, имѣющимъ возможность познакомиться съ личностью, и на основаніи устныхъ разспросовъ самого подсудимаго и свидѣтелей рѣшить вопросъ о томъ, заслуживаетъ ли подсудимый примѣненія къ нему условнаго осужденія. Послѣ сказаннаго мною выше о примѣненія условнаго осужденія присяжными засѣдателями будетъ понятно предложеніе съ моей стороны предоставить присяжнымъ засѣдателямъ примѣненіе этого института; особаго нововведенія въ этомъ не будетъ (въ Европѣ въ цѣломъ рядѣ государствъ суды ассизные примѣняютъ условное осужденіе): вѣдь разрѣшаютъ же и теперь они вопросы о разумнѣи полномъ и неполномъ подсудимаго, вопросъ о томъ, заслуживаетъ ли подсудимый снисхожденія. Предсѣдатель въ своемъ резюме долженъ будетъ въ такомъ случаѣ объяснять присяжнымъ, что въ данномъ случаѣ, согласно съ закономъ (т. е. отсутствіе прежней судимости, преступленіе, поименованное въ спискѣ), возможно примѣненіе условнаго осужденія, если бы они нашли для такого примѣненія основаніе. Въ подобныхъ дѣлахъ на коронныхъ судей возлагается обязанность особенно подробнаго выясненія личности подсудимаго, его предшествовавшаго поведенія, отзывовъ объ немъ хозяевъ и т. д. и занесеніе всего этого въ протоколъ. По дѣламъ, разрѣшаемымъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, о примѣненія условнаго

осужденія должны составлять мотивированныя постановленія, которыя подлежали бы обжалованію лишь въ кассационномъ порядкѣ (не первая судимость, наказаніе превышаетъ указанный размѣръ, постановленіе не мотивировано).

Я не буду вдаваться въ дальнѣйшія подробности, это было бы несвоевременно, ибо предстоитъ еще прежде разрѣшить вопросъ о томъ, желательна ли и возможно ли введеніе условнаго осужденія въ Россіи? Для правильнаго отвѣта на этотъ вопросъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ только отрѣшиться отъ предразсудка, установившагося у насъ въ отношеніи условнаго осужденія, не видѣть чего-то намъ недоступнаго, крайне сложнаго въ институтѣ, на который Западная Европа смотритъ совершенно просто, какъ на самый несложный судебный порядокъ, и доказываетъ правильность такого своего взгляда сотнями тысячъ примѣровъ успѣшнаго примѣненія этого института. Слѣдуетъ ли намъ долже отказываться отъ этого несомнѣнно благодѣтельнаго нововведенія, когда къ введенію его у насъ затрудненій не представляется, а, наоборотъ, много причинъ заставляютъ насъ поскорѣе воспользоваться новымъ усовершенствованіемъ въ дѣлѣ борьбы съ преступленіемъ.
